

Глава V

НЕОПРАВДААННЫЙ СДВИГ В СПОРЕ В СТОРОНУ СТАТИКИ: АРГУМЕНТЫ ФОРМАЛЬНОГО СХОДСТВА И ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «МАТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ»

В этой главе мы узнаем, что, вскоре после того, как Мизес выступил со своим доказательством, участники спора — социалисты сосредоточили свои усилия на решении проблемы социализма в условиях статики. Эти усилия были совершенно бессмысленны, поэтому мы называем этот сдвиг социалистических теоретиков по направлению к статике «необоснованным»; ведь сам Мизес уже отметил, что, с точки зрения статики, экономический расчет при социализме вообще не является проблемой. Мы попробуем объяснить, почему социалисты до такой степени не поняли сути обсуждаемой проблемы. В частности, будет проанализировано деструктивное влияние, которое оказали на ход спора парадигма анализа экономического равновесия и доводы, которые демонстрируют формальное сходство, существующее между рынком и социалистической моделью, если описывать их строго в терминах статики. Затем будет рассмотрено «математическое доказательство», несколько вариантов которого предложили социалистические теоретики, и завершит главу анализ реакции Мизеса, Хайека и Роббинса на все эти «решения».

1. Аргументы формального сходства

В предыдущей главе мы видели, что самая старая школа внутри социалистической традиции наивно считала, что социалистическая система может обойтись без экономических поня-

тий ценности и процента, которые были открыты и проанализированы классическими экономистами применительно к капиталистическим экономикам. В ответ на это многие экономисты поспешили продемонстрировать, что фундаментальные понятия ценности и процента должны быть сохранены даже при идеальном социалистическом режиме, когда вся информация доступна, а изменения отсутствуют (модель равновесия). Этот довод, который сначала был сформулирован в терминах классической логики, а позже приобрел формально-математический вид, был следствием желания произвести впечатление на тех социалистических теоретиков, которые наивно считали, что в своих моделях они могут обойтись без понятия ценности. Итак, ради того, чтобы продемонстрировать, что идеальная коммунистическая система будет нуждаться в фундаментальных понятиях ценности и процента даже в состоянии равновесия, экономисты пошли на теоретическую уступку, предположив, что главная экономическая проблема (как получить необходимую информацию) уже решена. Однако, именно эта уступка привела к необоснованному переносу спора в область статики, где он не имел никакого смысла, что привело к большой неразберихе, жертвой которой стали и непосредственные участники спора, и те, кто позже анализировал его и делал из этого выводы. Действительно, как только модели равновесия начали опираться на предположение (формализованное посредством математических терминов или нет), что вся информация доступна и неизменна, стало практически неизбежным восприятие проблемы экономического расчета при социализме просто как алгебраической или *вычислительной* задачи, сводящейся к тому, чтобы найти способ решения соответствующей системы уравнений. Соответственно, *аргумент формального сходства, изначально направленный на опровержение утверждений социалистических теоретиков, позже был использован ими для того, чтобы избежать решения фундаментальной экономической проблемы, которую ставит социализм* (каким образом центральный плановый орган может получить жизненно необходимую ему практическую информацию, то есть данные, которые рассеяны в умах миллионов экономических агентов). Так экономисты совершили ошибку, сосредоточившись исключительно на практических трудностях, связанных с решением мно-

гочисленных сложных систем уравнений, и даже не заметив того, что существует проблема теоретической невозможности социализма как такового. Этот пример наглядно показывает, как велика опасность применения математических методов в экономической теории; дело в том, что их использование скрывает действительно важные экономические проблемы даже от самых блестящих умов¹.

*Аргументы формального сходства,
выдвинутые Ойгеном фон Бём-Баверком
и Фридрихом фон Визером*

Самым важным годом с точки зрения аргументов формального сходства был, вероятно, 1889 г. Действительно, в этом году была опубликована книга Фридриха вон Визера *Der Natürliche Wert*. Одной из главных целей автора было показать, что экономические блага не перестанут иметь ценность даже в сообществе или государстве, организованном на коммунистических принципах. Визер считал, что фундаментальные законы ценности не зависят от институционального и социального окружения и эти законы следует учитывать при любой социалистической системе. Визеровский анализ — это анализ равновесия; он показывает, что логика выбора должна быть одной

---

¹ Хотя Мизес считал математический метод разрушительным вне зависимости от того, в какой области экономической теории он применяется, возможно, вопрос экономического расчета был для него наиболее ясным доказательством того, что математический метод в принципе не может учесть рыночные процессы и скрывает фундаментальную теоретическую проблему социализма: проблему того, как возможна координация в обществе, где существуют препятствия для свободного предпринимательства. Понятно, почему он пишет об этом с такой смелостью и с такой суровостью: «Математические методы должны быть отвергнуты не только по причине их бессодержательности. Это абсолютно порочный метод, отталкивающийся от ложных предпосылок и ведущий к ошибочным выводам. Его силлогизмы не просто бесплодны; они уводят мысль от изучения реальных проблем и искажают взаимосвязи между явлениями». Ludwig von Mises, *Human Action*, 350 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 329].

и той же и в рыночной, и в социалистической системе: в этом и состоит аргумент формального сходства двух систем².

² Friedrich von Wieser, *Der Natürliche Wert* (Vienna: A. Holder, 1889). Существует английский перевод Мэллока (С. А. Malloch), *Natural Value* (New York: Augustus M. Kelley, 1971). На с. 60 этого издания мы читаем: «Даже в сообществе или в государстве, экономические дела которого организованы на коммунистических принципах, блага не перестанут иметь ценность. ...Ценность, которая возникает из социальной взаимосвязи определенного количества благ и полезности, а также ценность, которая существовала бы в коммунистическом государстве, мы будем с этих пор называть “естественной ценностью”». Я внимательно прочитал книгу Визера, и лично мне его концепция «естественной ценности» кажется абсурдной и фантазмагорической. Она может применяться только к гипотетическому равновесию, которое никогда не достигается на практике. Соответственно, Визер совершает ошибку, полагая, что ценность объективна; в частности, он считает возможным межличностное сравнение полезностей. Визер избежал бы этой и других серьезных ошибок, если бы в большей степени придерживался истинной австрийской традиции, идущей от Менгера, и опирался в своем анализе не на фантазмагорическую модель равновесия, а на изучение динамических рыночных процессов. Мизес резко критикует Визера за то, что он предал подход Менгера, который состоит в общем и взаимоувязанном изучении рыночных процессов. Мизес приходит к выводу, что Визер не был «мыслителем-творцом и вообще принес больше вреда, чем пользы. Он так и не понял суть идеи субъективизма австрийской школы мысли и в результате совершил множество ошибок. Его теория вменения неверна. Его мысли о расчете ценности заставляют сделать вывод, что его следует причислять не к австрийской, а к лозаннской школе (Леон Вальрас *et al.* и идея экономического равновесия)» (Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, 36). В приведенном ниже замечании Марк Блауг блестяще резюмирует позицию австрийской школы, хотя совершенно игнорирует этот уклонизм Визера: «Австрийцы одновременно отвергали и концепцию частичного равновесия Маршала, и ту экономическую теорию, за которую выступал Вальрас: во-первых, экономическую теорию, сформулированную в математических терминах, а во-вторых, экономическую теорию «конечного состояния» (в отличие от «процесса»), то есть сосредоточенную на следствиях из равновесия, а не на процессе, посредством которого достигается равновесие. Австрийцы не одобряли Вальраса с его идеей существования уникального мультирыночного равновесия в качестве метафоры для системы совместных уравнений и еще меньше одобряли его рассуждения о мультирыночном равновесии в тер-

Также в 1889 г. Ойген фон Бём-Баверк во втором томе своего *opus magnum* «Капитал и прибыль», сформулировал аргумент, похожий на визеровский, но применительно к ставке процента. Бём-Баверк рассматривает ставку процента как базовое экономическое понятие, которое должно присутствовать в любой экономической системе, все равно: капиталистической или коммунистической. Поэтому вызывающая такую критику «прибавочная ценность», или «эксплуатация», типичная для капиталистической системы, не исчезнет при социалистическом режиме. На самом деле, верно как раз обратное: государство или контрольный орган обязательно сохраняют ее, потому что категории временного предпочтения и ставки процента нельзя уничтожить ни в какой системе хозяйствования³.

минах приспособления цен к чистому неудовлетворенному спросу. Действительно, *все до одного* австрийцы, включая Уикстида и Роббинса, тщательно избегали любых рассуждений о какой-либо теории ценообразования, подчеркивая ее дискретный и неделимый характер, и *полностью довольствовались существованием общей тенденции к равновесию, которое никогда не реализуется на практике* (Mark Blaug, "Comment on O'Brien's 'Lionel Robbins and the Austrian Connection'," in *Carl Menger and His Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, 186). Кстати, необходимо отметить, что Марк Блауг пережил вызвавшее большие пересуды обращение. Вначале он с порога отвергал австрийскую школу, но позже отрекся от своей веры в модель общего равновесия и в неоклассическую парадигму Вальраса. Он писал: «Я медленно и очень неохотно пришел к выводу, что они [австрийская школа] правы, а мы все неправы» (*Appraising Economic Theories*, ed. Blaug and De Marchi (London: Edward Elgar, 1991), 508. См. также менее эмоциональную работу Блауга: *Economics Through the Looking Glass*, Occasional Paper 78 (London: Institute of Economic Affairs, 1988), 37. См. также: *The Economic Journal* (November 1993): 1571.

³ См. сноску 39 в главе 4, где мы пересказали все возражения Бём-Баверка против марксистской теории эксплуатации. В частности, Бём-Баверк пишет: «В наши дни социалисты оскорбляют доход от капитала, называя его эксплуататорской выгодой, куском, хищнически вырванным из продукта труда. Но он не исчезнет при социализме. Наоборот, само социалистически организованное государство будет сохранять его в прежнем виде по отношению к рабочим — и оно будет вынуждено сохранять его... Ничто в мире не в состоянии изменить и не изменит того, что владельцы

Хотя эти аргументы предназначались для того, чтобы показать, что категории ценности и процента должны существовать и при социалистическом режиме, Визер и, в меньшей степени, Бём-Баверк (тем, что они опирались в своих рассуждениях на модель равновесия, которая предполагает, что вся необходимая информация дана) сделали включение своей точки зрения в неоклассическую парадигму относительно легким. Эта парадигма сосредоточена на равновесии, в ней проблема экономического расчета при социализме носит чисто технический характер и требует лишь решения очень большого количества очень сложных уравнений. Однако в защиту австрийцев следует сказать, что они по крайней мере осознали, что модель, которую они используют, будет очень тяжело или даже невозможно реализовать на практике. В частности, в 1914 г. Визер даже интуитивно приблизился к фундаментальному доказательству Мизеса, касающемуся экономического расчета при социализме и невозможности для центрального планового органа получить необходимую ему практическую информацию. Визер писал: «Частная экономическая система — это единственная опробованная исторически форма крупной социально-экономической организации. Опыт тысячелетий доказывает, что такая система обеспечивает более успешные совместные социальные действия, чем *подчинение всех одному центру власти*. Единая воля и единая власть, жизненно необходимые на войне и для обеспечения правового единства в качестве скрепы, связывающей общие силы, уменьшают эффективность совместной экономической деятельности. *В экономике, хотя она и стала общественной, работа всегда должна делаться по частям*. ...Такая, состоящая из множества частей работа, будет гораздо более эффективно исполнена тысячами и миллионами людей, которые смотрят тысячами и миллионами глаз и напрягают тысячи и миллионы воли: они будут гораздо в большей мере уравновешены

уже имеющихся благ получают премию, когда обменивают их на будущие блага... Доказано, что процент — это экономическая категория, возникающая по элементарным экономическим причинам, и, следовательно, он будет возникать везде, где продукты обмениваются на будущие блага, вне зависимости от типа социальной или правовой организации» (Böhm-Bawerk, *Positive Theory of Capital*, vol. 2 of *Capital and Interest*, section 5 [“Interest under Socialism”], 345— 346).

по отношению друг к другу, чем в случае, если бы всеми этими действиями, как некоей сложной машиной, *должен был руководить или управлять какой-либо контролирующий орган. Такой центральный распорядитель в принципе не мог бы быть в курсе бесчисленных возможностей*, позволяющих в каждом отдельном случае извлечь из данных обстоятельств максимальную полезность или предпринять наилучшие шаги с точки зрения будущего развития и прогресса»⁴.

*Статья Энрико Бароне как аргумент
формального сходства*

В первом разделе предыдущей главы мы обсудили некоторые аспекты статьи Энрико Бароне 1908 г. “Il Ministro della Produzione nello Stato Collettivista”, которую Ф. А. Хайек позже перевел на английский и опубликовал в сборнике *Collectivist Economic Planning*⁵. Сейчас нас интересует то, как Бароне, в духе Визера, развивает аргументы о формальном сходстве капитализма и социализма. Новым в позиции Бароне является то, что он критикует неуклюжесть и неопределенность тех аргументов формального сходства, которые использовали его предшественники (Визер и, в меньшей степени, Бём-Баверк). Бароне даже заявил, что ему удалось строго и формально изложить и доказать, используя математический анализ, то, что до тех пор было лишь несовершенной догадкой⁶. Однако мы вынуждены оспорить это самоуверенное заявление Бароне: по нашему мнению, так называемой математической точности можно достичь только за счет практически всего значимого и объяснительного, что осталось в модели с точки зрения экономического анализа. Действительно, в отличие от Визера, Бароне не рассматривает экономику как социальный процесс, состоящий в наборе взаимосвязей между различными

⁴ Friedrich von Wieser, *Social Economics* (New York: Augustus M. Kelley, 1967), 396–397. Эта книга представляет собой сделанный Альбертом Фордом Хинрикомсом английский перевод сочинения *Theorie der Gesellschaftlichen Wirtschaft* (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1914).

⁵ См. выше, глава 4, сноска 9.

⁶ См.: *Collectivist Economic Planning*, ed. by F. A. Hayek, 257–258.

субъектами, которые сознательно действуют ради достижения собственных целей; он воспринимает ее просто как набор функциональных связей и количественных результатов. Более или менее строгий генетико-каузальный экономический анализ, учитывающий цели и средства каждого действующего субъекта, превращается в механический набор функциональных отношений, в которых люди не принимают участия, время не учитывается и «цены» не являются результатом человеческого взаимодействия, а возникают на пересечении двух кривых или представляют собой числовые решения системы совместных уравнений. Итак, Бароне является наглядным примером порочных последствий колонизации экономической теории корпусом инженеров и техников, воспитанных в механистической лапласовской традиции. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что по своей сути анализ Бароне неизбежно статичен и, следовательно, нерелевантен в контексте критики социализма Мизесом. Действительно, на первых 40 страницах статьи Бароне исходит из предположения о том, что необходимая информация о размере капитала, а также о технических связях различных факторов производства со вкусами и целями индивидов, дана и известна⁷. Как мы видели в первом разделе предыдущей главы, только в конце статьи Бароне очень туманно и мимоходом замечает, что информация, предположение о доступности которой позволило ему формально развивать свои рассуждения в математических терминах, в принципе непознаваема.

Таким образом, очевидно, что на самом деле — в отличие от ошибочной интерпретации спора, которая господствует до сих пор благодаря тому, что он был описан Оскаром Ланге и Йозефом Шумпетером кое-как и с учетом конъюнктурных соображений — Энрико Бароне вовсе не опроверг мизесово доказательство невозможности экономического расчета при социализме еще до того, как Мизес его сформулировал. Дело в том, что, как мы уже показали, прямо процитировав Мизеса⁸, его доказательство является динамическим и опирается на то, что центральный плановый орган неспособен получить ту жизненно важную практическую информацию, которая нужна ему, чтобы заниматься планированием экономики.

⁷ *Collectivist Economic Planning*, 247.

⁸ См. цитату из Мизеса в тексте над сносками 29 и 30 главы 4.

Мизес сам счел нужным оговорить, что в воображаемой нирване равновесия не возникло бы никакой нужды в том, чтобы рассматривать проблему, на которую он указал. Итак, Бароне не опроверг доказательства Мизеса, поскольку свой анализ формального сходства Бароне начинает как раз с опоры на предположение, что вся информация дана и что, соответственно, экономическая проблема, выявленная Мизесом, решена изначально. Бароне не только не опроверг доказательство Мизеса — в конце статьи он явно выражает, пусть поверхностно и туманно, ту фундаментальную мысль, которая позже ляжет в основу доказательства Мизеса, мысль о том, что то знание, которое считается данным при формулировании соответствующей системы математических уравнений, логически невозможно приобрести иначе, чем наблюдая за результатами самих рыночных процессов. Как мы уже видели, Парето совершенно ясно выразил эту мысль даже раньше Бароне⁹.

*Другие теоретики формального сходства:
Кассель и Линдаль*

Упомянутые выше аргументы формального сходства в 1918 г. соединил Кассель, который рассматривал ситуацию в социалистической экономике как формально подобную ситуации в рыночной экономике и в отношении определения цен, и в отношении ставки процента. Кассель даже утверждал, что «принципы ценообразования действуют во всей экономике в целом, а в частности они не зависят от конкретного способа организации производства». Он также считал так называемую «совершенную конкуренцию» «крайне необходимой в качестве теоретического условия реализации принципа соответствия цены издержкам». Все это привело Касселя к заключению, что «теоретически социалистический строй даже проще», чем рынок. Идеи Касселя опосредованно оказали крайне негативное влияние на течение спора, послужив теоретической базой для докторской диссертации Клэре Тиш; научным руководителем Тиш в 1932 г. был Шумпетер, и ее работа существенно повлияла на его убежденность в том, что теоретики формального сходства (Парето, Бароне и др.) еще

⁹ См. сноску 8 главы 4.

до Мизеса решили поднятую Мизесом проблему экономического расчета. Идеи Касселя продолжали жить среди его учеников, и еще в 1939 г. Эрик Линдаль продолжал упорно защищать аргументы формального сходства, игнорируя все то, что было сказано на эту тему в ходе спора об экономическом расчете при социализме¹⁰.

2. Анализ «математического» решения

Выше, разбираясь с теорией Маркса, мы установили, что его идеальная модель общества в конце концов сводится к модели равновесия, которую, по его мнению, возможно и желательно навязать насильно посредством центрального планового органа. Затем мы видели, как различные теоретики вырабатывали формальные условия для этой модели равновесия и как, благодаря предположению, что фундаментальная экономическая проблема получения информации изначально решена,

---

¹⁰ Erik Lindahl, *Studies of the Theory of Money and Capital* (1939) (New York: Augustus M. Kelley, 1970). Линдаль посвящает целый раздел «проблеме ценообразования в сообществе с централизованным планированием» (pp. 69–73) и приходит к заключению, что «Центральная Власть должна будет решать проблему точно такой же природы, что и Центральный Банк в сообществе со свободным предпринимательством». Следует отдельно подвергнуть критике «динамический» анализ Линдаля, который подразумевает, что жизненно важная в каждый отдельный момент информация дана и, соответственно, представляет собой чисто статический анализ, где переменные и параметры относятся просто к разным моментам «времени» (понимаемого в детерминистском, ньютоновом смысле) и где понятия неопределенности, отсутствия информации, а также творческой мощи человеческой деятельности и предпринимательства, блистают своим отсутствием. Линдаль принадлежит к традиции аргументов формального сходства, начало которой положил Густав Кассель в 1918 г. и которую мы уже обсуждали в тексте. См.: Gustav Cassel, *Theoretische Sozialökonomie* (Leipzig, 1932). Имеется хороший английский перевод этой книги, сделанный Бэрреном: Gustav Cassel, *The Theory of Social Economy* (New York: Augustus M. Kelley, 1967). См. также ниже сноску 18 и критику взглядов Касселя в статье: George Halm, “Further Considerations on the Possibility of Adequate Calculation in a Socialist Community,” in *Collectivist Economic Planning*, 184–186.

они сформировали у многих убеждение, что социализм ставит просто алгебраическую проблему математического решения более или менее сложной системы многочисленных уравнений. Таким образом, постепенно вошло в привычку считать, что теоретики, видевшие формальное сходство между капитализмом и социализмом (Визер, Бароне и др.), доказали, что, в отличие от того, что утверждал Мизес, экономический расчет при социализме «теоретически» возможен и что если с ним и связаны какие-либо трудности, то они носят алгебраический характер и относятся к решению соответствующей системы уравнений. Тем не менее мы показали, что эта интерпретация неверна от начала до конца. Отождествлять экономическую теорию и равновесие недопустимо и абсолютно неправомерно, поскольку в любом случае анализ равновесия — это только часть (возможно, наименее важная) экономической теории. Как мы уже показали, мизесовский анализ — это *теоретический анализ*, но, в лучших традициях австрийской школы, он относится к динамическим социальным процессам, и, следовательно, к невозможности получить централизованным образом ключевую практическую информацию, которой обладают экономические субъекты, информацию, которую они постоянно используют и создают. Тем самым проблема не в том (как полагают многие), что расчет — в силу огромной практической сложности алгебраического решения соответствующих систем уравнений — был бы невозможен даже если бы центральный орган мог получить необходимую ему информацию. Наоборот, нам следует подходить к этой проблеме с совершенно другой стороны: *даже если в какой-то момент окажется, что можно решить все те чрезвычайно сложные и многочисленные системы уравнений, о которых говорят теоретики формального сходства, непреодолимая теоретическая и логическая проблема, связанная с получением информации, необходимой для формулировки этих уравнений, будет существовать всегда*. Таким образом, то, что теоретики формального сходства перенесли полемику в область статики, скрыло от многих блестящих умов характер фундаментальной экономической проблемы социализма, которую поднял Мизес, и породило ложное мнение о том, что можно обеспечить возможность экономического расчета простым улучшением алгебраических методов решения соответствующих систем уравнений. Теперь

мы перейдем к рассмотрению важнейших вариантов «математического решения» по существу.

Статья Фреда Тейлора

Первая серьезная попытка математически решить проблему централизованного планирования была предпринята Фредом Тейлором в лекции под названием «Управление производством в социалистическом государстве», прочитанной 27 декабря 1928 года по случаю вступления Тейлора в должность президента Американской экономической ассоциации¹¹. В короткой и противоречивой статье Тейлора анализ проблемы экономического расчета состоит из двух частей. В первой части он явным образом исходит из предположения, что вся необходимая информация (знание) доступна, а во второй, очень короткой, он пишет о системе сбора этой информации.

Статья Тейлора была первым после работы Мизеса случаем возврата к статическому анализу, или анализу равновесия, который был основан на предположении, что проблема экономического расчета является просто вопросом вычислений или математических методов. Согласно Тейлору, экономические расчеты можно производить с помощью арифметических таблиц, которые он называет «таблицами оценки факторов»; эти таблицы должны содержать относительные оценки всех факторов производства в численном выражении. Тейлор считал, что социализм должен опираться на продажу всех това-

---

¹¹ Это было обращение президента на сорок первой ежегодной конференции Американской экономической ассоциации в Чикаго (Иллинойс) 27 декабря 1928 года. Позже речь была опубликована в *American Economic Review* 19, no. 1 (march 1929). Она появилась также в сборнике *On the Economic Theory of Socialism*, ed. Benjamin E. Lippincott (New York: McGraw Hill, 1964), 41–54. Любопытно отметить, что Фред Менвилл Тейлор (1855–1932), который не имеет никакого отношения к Фредерик Уинслоу Тейлору, автору «Принципов научного менеджмента», был решительным сторонником *laissez faire* и золотого стандарта, но его методологическая приверженность анализу равновесия (в его случае — модели частичного равновесия Маршалла) неизбежно привела его к выводу, что проблему экономического расчета можно решить без особых усилий.

ров и услуг по ценам, соответствующим издержкам их производства, которые можно вычислить с помощью этих таблиц. С учетом того, что в большей части своей статьи Тейлор опирается на предположение о том, что власти социалистического государства в состоянии собрать достаточно правильные числовые данные для того, чтобы составить на их основании таблицы, он просто уклоняется от ответа на главный вопрос, поскольку имплицитно основывается в своих рассуждениях на том, что фундаментальная экономическая проблема социализма имеет решение. Итак, Тейлор был первым, кто совершил ошибку, которую будут воспроизводить массы авторов-социалистов: пытаясь избежать действительно важных динамических аспектов, связанных с экономическим расчетом при социализме, он сосредоточился на строго алгебраических, или математических, аспектах, присущих статичной модели равновесия.

Как отметил Джералд О’Дрискол, суть ошибки всех этих исследователей — не в том, какое решение проблемы они предлагают, а в том, какой вопрос они задают¹². Действительно, с научной точки зрения важно не то, возможно или нет с помощью алгебраических методов решить соответствующие математические формулы при условии, что вся информация, необходимая для их составления, доступна (вопрос, который формулируют социалистические теоретики модели равновесия), а то, можно ли, с теоретической и логической точки зре-

¹² В статье Gerald P. O’Driscoll, “A Tribute to F. A. Hayek,” *The Cato Journal* 9, no. 2 (fall 1989): 345—352, автор пишет: «Прогресс в науке редко случается тогда, когда на старые вопросы дают новые ответы. *Фундаментальные сдвиги происходят, когда кто-нибудь ставит новые вопросы.* Чтобы внести в экономическую теорию существенный вклад, нужно задать новый вопрос, открыть новое направление для исследований. ... Главная причина, по которой большинство экономистов не поняли теоретического доказательства невозможности социализма, состояла в том, что *они задавали не тот вопрос.* Противников Хайека интересовало, сможет ли экономический диктатор успешно размещать ресурсы, *если у него будет вся необходимая для этого информация.* Ответ на этот вопрос, конечно, «да». Следовательно, с точки зрения мифологии экономической истории, защитники социализма «опровергли» Мизеса и Хайека. На самом деле этого не было, защитники социализма просто поставили другой, бессмысленный вопрос, и дали на него ответ» (pp. 345, 348).

ния, получить информацию, необходимую для составления этих уравнений.

Наконец, Тейлор посвящает последние пять страниц статьи очень краткому изложению практического способа получить относительно точную информацию, необходимую для составления его «таблиц оценки факторов». Ниже мы рассмотрим его знаменитый метод «проб и ошибок» подробно и по существу, а пока нам достаточно лишь подчеркнуть, что сам Тейлор считал наиболее важной первую часть своей статьи, про статический анализ социализма, и рассматривал ее как свой вклад в решение вопроса экономического расчета при социализме.

Идеи Генри Диккинсона

В отличие от статьи Тейлора, которая прошла практически незамеченной, подробное «решение» проблемы экономического расчета при социализме, предложенное Генри Дугласом Диккинсоном в статье «Формирование цен в социалистическом сообществе»¹³, вызвало долгий и ожесточенный спор об экономическом расчете при социализме среди авторов, писавших по-английски; в частности, в нем приняли участие Морис Дobb и Абба Лернер.

Диккинсон начинает с того, что если теоретически сформулировать систему совместных уравнений по Вальрасу было бы весьма сложно, то на практике эту задачу можно сильно упростить, *сгруппировав* тесно связанные друг с другом блага и услуги. Таким способом, полагает Диккинсон, можно было бы составить такую систему уравнений, которая решалась бы традиционными математическими методами, без обращения к рыночным процессам. Любопытно, что Диккинсон упоми-

---

¹³ Н. D. Dickinson, "Price Formation in a Socialist Community," *Economic Journal*, no. 43 (June 1933): 237–250. Диккинсон (1899–1969) был учеником Эдвина Кэннена и профессором в Бристольском университете (до 1964 г.). Дэвид Коллард писал: «Дика, как его называли, любил все; это был человек не от мира сего, чудаковатый мудрец с изумительным чувством юмора». См. статью об этом симпатичном представителе экономической науки на с. 536 *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1. Сам Хайек относился к Диккинсону с определенным уважением и большой симпатией, даже когда жестко его критиковал.

нает о «проблеме» рассеянного характера знания, относящегося к рыночным процессам, когда говорит, что при социалистическом рынке типичное для рынка неведение о существующих экономических возможностях будет устранено благодаря систематическому обнародованию «информации» о производстве, издержках, продажах, запасах и вообще о любых статистических данных, могущих иметь какое-либо значение. В частности, Диккинсон делает вывод, что в социалистической системе все компании будут действовать так, как будто они «из стекла», то есть как будто у них нет никаких секретов, и будут совершенно «информационно прозрачны» для внешнего мира¹⁴.

¹⁴ Итак, мы видим, что одержимость социалистов и интервенционистов «информационной прозрачностью» имеет давнюю традицию. Это понятие, которым мы обязаны ошибочному пониманию того, какого типа информация используется в рыночных процессах, распространилось и завоевало большую популярность даже в западных странах; оно часто воплощается в чрезмерном регулировании, возлагающем почти невыносимое бремя на многие компании, которых обязывают предоставлять огромные, ненужные и дорогостоящие объемы статистической «информации» и финансовой отчетности, что, разумеется, не оказывает никакого положительного эффекта на уровень координации и эффективности в соответствующих обществах. В этой сфере, как и во многих других, интересы социалистов, считающих, что поощрение крупных компаний и «информационной прозрачности» облегчает им задачу координации жизни в обществе посредством приказов, совпали с интересами теоретиков равновесия, полагающих, что улучшение доступа к статистической «информации» может облегчить возникновение и сохранение «эффективных», то есть максимально приближенных к их модели рынков. Кроме того, такая практика пользуется поддержкой привилегированных групп интересов, которые получают от этого регулирования прямую выгоду (аудиторов, бухгалтеров, преподавателей бухгалтерских курсов, регистраторов юридических лиц и т.п.). Все они неправильно понимают, что такое информация, потому что статистика — это всегда то, что уже неактуально. Статистические данные могут субъективно интерпретироваться самыми разными способами; они не только не способствуют предпринимательским процессам координации, но и усложняют и искажают их в той степени, в какой их внешняя «достоверность» оказывает реальное влияние на предпринимателей. Кроме этого, у принудительного навязывания компаниям излишних обязательств по отчетности и раскрытию «информации», значительно превышающих уровень,

Эти утверждения Диккинсона столь же поразительны, сколь необоснованы. Его наивность можно сравнить лишь с его невежеством в вопросе о том, как работает рыночная экономика. Диккинсон не понимает того, что общая модель равновесия в том виде, как она была разработана Вальрасом и Парето, это просто модель формального сходства, и ее авторам известен исключительно *тип* информации, которая была бы необходима для установления и поддержания равновесия. Однако ни Парето, ни Вальрас не возлагали надежд на то, что необходимую информацию можно получить помимо рынка¹⁵. Следовательно, проблема не в вычислениях; ее нельзя решить, решив систему совместных уравнений по Вальрасу (даже если уравнения были сформулированы упрощенным способом, с помощью предложенной Диккинсоном группировки похожих благ и услуг) — для этого нужно получить субъективную практическую информацию, необходимую для установления параметров и переменных этой системы уравнений, а она существует и создается исключительно в рассеянной, дисперсной форме.

Что касается довода о том, что рассеянный характер знания не будет составлять проблемы в социалистической системе, где

который традиционно требуется для ведения бизнеса, есть еще такие последствия, как избыточные издержки и неверное размещение ресурсов. См. об этом блестящую статью: Benito Arruñada, "El coste de la información contable," *España Económica* (May 1991): 8—11, в которой автор справедливо критикует по этим и иным причинам реформу отчетности и законодательства о предпринимательской деятельности, проведенную в начале 90-х годов социалистическим правительством Испании. См. также статью: Stephen Gillespie, "Are Economic Statistics Overproduced?" *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 227—242.

¹⁵ «Абсолютно верно, что Вильфредо Парето и Энрико Бароне показали, какой информацией социалистический планирующий орган должен обладать, чтобы выполнить свою функцию. Но понимание того, какого рода информация нужна, чтобы решить проблему, не подразумевает, что проблема может быть решена, если эта информация рассеяна среди миллионов людей» (F. A. Hayek, "Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation" in *The Essence of Hayek*, ed. Chiaki Nishiyama and Kurt R. Leube [Stanford, California: Hoover Institution Press, Stanford University, 1984], 58).

господствует принцип «информационной прозрачности» и все статистические данные общедоступны, то он совершенно ошибочен. Информация не является *статичной*, объективной и всегда доступной в каком-нибудь месте, и поэтому проблемы с ее распространением не сводятся исключительно к издержкам на ее передачу или к административным запретам. По своей сути информация субъективна и динамична, она постоянно создается *ex novo* вследствие предпринимательской активности в контексте рыночной экономики. Соответственно, если свободное предпринимательство запрещено, а экономика принудительно управляется сверху посредством приказов, то, как мы показали в главах 2 и 3 этой книги, необходимая для координации социального процесса практическая информация даже не будет возникать или генерироваться. Следовательно, если институциональные ограничения свободы предпринимательства препятствуют возникновению необходимой информации, совершенно бессмысленно декларировать пустые общие принципы «информационной прозрачности» и широкой публикации данных. Кроме того, постоянные перемены и динамический характер информации делают уже существующую, историческую «информацию» абсолютно бесполезной и не имеющей никакого значения. Несмотря на то, что ее можно собрать и потом совершенно прозрачно и бесплатно раздавать получившийся в итоге огромный и детализированный массив статистических данных, она сохраняет только историческую, или «археологическую», ценность, если, как это происходит во всех реальных, не застывших экономиках, обстоятельства меняются, обнаруживаются новые цели и средства, и новая информация постоянно возникает или создается. Уже в 1912 г. голландский экономист Николас Пирсон писал, что в реальной экономике даже доступность всем и каждому подробнейшей статистики не принесет никакой пользы, потому что из-за постоянных перемен статистическая информация устаревает еще до того, как она опубликована¹⁶.

---

¹⁶ «Что касается фиксации цен, то социалистическое государство вскоре должно будет обнаружить, что от математических формул нет никакого проку и единственный способ, с помощью которого оно могло бы надеяться решить эту задачу, это точные, многократные сравнения нынешних и будущих запасов с нынешним и будущим спросом; оно должно обнаружить, что цены

Наконец, в заключение мы должны отметить, что всего лишь 6 лет спустя, в 1939 г., Диккинсон сам признал, что, хотя первоначально (в 1933 г.) он считал, что его математическое решение может использоваться для экономических расчетов при социалистическом режиме, позже он резко поменял позицию. Он осознал свою ошибку: ведь «сами данные, которые нужно было бы вводить в устройство для решения уравнений, непрерывно меняются»¹⁷. Как мы помним, это именно тот аргумент, который с самого начала использовали представители австрийской школы для опровержения любых «математических решений».

Математическое решение у немецких авторов

Авторы, писавшие по-немецки, также пытались предлагать «математические» решения проблемы экономического расчета. Среди них следует выделить д-ра Клэре Тиш, научным руководителем которой был Йозеф Шумпетер. Мы уже упоминали о ней; в своей докторской диссертации, основанной на идеях Касселя и Вальраса, она сделала вывод о возможности построения системы уравнений, в которой число уравнений будет равным числу неизвестных, и о том, что решение этой системы уравнений будет означать решение проблемы экономического расчета. Ту же ошибку совершает Герберт Зассенхаус, хотя он и признает, что такую систему можно было бы использовать только в том случае, если бы министерство производства *заранее* располагало бы всей необходимой информацией и если бы эта информация не менялась на протяжении времени, пока решались бы уравнения. Итак, ни Тиш, ни Зассенхаус не осознавали, что основная проблема состоит как раз в том, как найти способ получать информацию, в кото-

---

нельзя зафиксировать раз и навсегда — их нужно будет часто менять. В большинстве случаев при фиксации цен ему пришлось бы пользоваться в качестве ориентира не теорией средних показателей, а ценностью обмениваемых вещей; и почему оно должно отказываться от этого ориентира?» (Nicolaas Gerard Pierson, *Principles of Economics*, trans. A. Wotzel [London: Macmillan, 1912], 2: 94).

¹⁷ Henry Douglas Dickinson, *Economics of Socialism* (Oxford: Oxford University Press, 1939), 104.

рой нуждается плановый орган для формулирования системы уравнений¹⁸.

3. «Математическое решение» и его негативное влияние на ход спора

Самым важным негативным последствием «математического решения» Тейлора и Диккинсона для хода спора об экономическом расчете при социализме было то, что это решение отвлекло внимание участников от сути вопроса и привлекло его к проблемам статической экономической теории. На самом деле «математическое решение» решает другой вопрос (возможен или нет экономический расчет в условиях статики, то есть при условии что вся необходимая информация доступна и ничего не меняется). В этом смысле «математическое решение», безусловно, резко снизило теоретический уровень спора и отвлекло его участников от той фундаментальной эконо-

---

¹⁸ Д-р Тиш излагает свое предложение в докторской диссертации (научный руководитель — Йозеф Шумпетер): *Kläre Tisch, Wirtschaftsrechnung und Verteilung im Zentralisch Organisierten Sozialistischen Gemeinwesen* (Wuppertal-Elberfeld: University of Bonn, 1932). Хайек считает, что ошибочная позиция, высказанная в этой работе, а также незнакомство Шумпетера с математическим анализом и, как следствие, чрезмерное почтение к нему, стали причинами заблуждений Шумпетера в этой сфере и, в частности, того, что он активно поддерживал (Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* [London: George Allen and Unwin, 1950] [Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995]) миф о том, как еще до Мизеса Парето и Бароне удалось решить проблему экономического расчета при социализме. См.: *The Essence of Hayek*, 59, 60. Предложение Зассенхауса изложено в его статье: Herbert Zassenhaus, "On the Theory of Economic Planning," *International Economic Papers*, no. 6 (1956): 88—107. Это английский перевод написанной по-немецки статьи "Über die Ökonomische Theorie der Planwirtschaft," *Zeitschrift für Nationalökonomie* 5 (1934). Подробное изложение и критику предложений Тиш и Зассенхауса см.: Trygve J. V. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 207—210. Также заслуживают внимания критические замечания, изложенные в: G. Halm, "Further Considerations on the Possibilities of Adequate Calculations in a Socialist Community," *Collectivist Economic Planning*, 131—200.

мической проблемы, которую первоначально сформулировал Мизес. Фундаментальная экономическая проблема по существу представляла собой теоретический вопрос *экономической динамики* и касалась невозможности экономических расчетов в отсутствие рыночного процесса, движимого предпринимательством, поскольку только предпринимательство дает экономическим субъектам возможность непрерывно открывать рассеянную практическую информацию, необходимую для оценки издержек и выгод.

Другим негативным последствием «математического решения» было то, что оно создало *ложное впечатление*, будто бы Хайек и Роббинс в ответ на заявления Тейлора и Диккинсона отступили «на заранее подготовленные позиции» и признали, что экономический расчет теоретически возможен, хотя и продолжали придерживаться мнения, что он невозможен на практике, исключительно по причинам алгебраического характера, то есть из-за трудностей, связанных с решением соответствующих систем уравнений. Кроме того, что эта версия случившегося опирается на описанную нами выше серьезную методологическую ошибку, выразившуюся в отождествлении «теории» и «экономического анализа равновесия», мы не считаем ее соответствующей действительности по следующим причинам.

1. Для Хайека главный довод в пользу невозможности экономического расчета связан не с практическими сложностями алгебраического решения системы бесчисленных уравнений, а с неразрешимой в контексте динамической теории проблемой того, как центральный регулирующий орган может приобрести субъективную практическую информацию, которая создается в дисперсной форме и рассеяна в умах миллионов экономических субъектов. Действительно, в своей статье 1935 г. «К современному состоянию спора» (“The Present State of the Debate”) Хайек пишет о связанной с математическим решением принципиальной экономической проблеме так: «...Обычные теоретические абстракции, используемые для объяснения равновесия в конкурентной системе, включают предположение, что определенный набор технических знаний является “данным”... Вряд ли надо оговаривать, что эта идея абсурдна даже для случая, когда речь идет о знании, про которое можно буквально сказать, что оно “существует” в любой момент времени. Но большая часть реально использу-

емого знания никоим образом не “существует” в такой готовой форме»¹⁹. Итак, для Хайека *фундаментальная проблема экономического расчета не имеет ничего общего с узко «алгебраическими» трудностями при решении соответствующей системы уравнений.*

2. Когда Хайек упоминает о практической проблеме, связанной с решением системы уравнений, он ссылается на ее принципиально иной характер и ранг по сравнению с фундаментальной проблемой, которую мы изложили в пункте 1, и во всяком случае, он считает ее *второстепенной* и рассматривает практически «мимоходом»: «...масштаб этой главной математической операции будет зависеть от числа подлежащих определению неизвестных величин. Число неизвестных будет равно числу товаров, которые предстоит произвести. ...Сегодня мы вряд ли способны сказать, каково их число. Однако едва ли будет преувеличением предположить, что в достаточно развитом обществе его порядок составит по крайней мере сотни тысяч. Это означает, что в каждый последующий момент каждое решение должно будет основываться на одновременном решении такого же числа дифференциальных уравнений. Подобная задача не может быть выполнена известными в настоящее время способами за целую жизнь»²⁰. Следует также добавить, что даже если отвлечься от того, что проблему экономического расчета нельзя решить с помощью компьютерных технологий по причинам, о которых мы говорили в главе 3, и сосредоточиться исключительно на алгебраической проблеме, которую представляет собой система многочисленных уравнений, то мы увидим, что существенный прогресс компьютерных технологий и колоссальный рост мощности компьютеров за последнее время несколько не приблизили решение этой проблемы. Согласно Самуэльсону и Нордхаусу, с по-

---

¹⁹ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 210 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 155—156].

²⁰ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate,” in *Collectivist Economic Planning*, 212 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 156—157]. Этот довод очень похож на мнение, высказанное Парето в 1897 г. (см. глава 4, сноска 8).

мощью самых современных компьютеров и разработанных в 60—70-е годы Г. Скарфом и Х. Кюном методов можно относительно просто решить проблемы экономического равновесия для 50 рынков и 10—20 различных типов потребителей. С помощью наиболее современных суперкомпьютеров можно решать системы уравнений, основанные на 100 различных типах производственных факторов, 10 000 товарах и 100 различных типах потребителей²¹. Эти величины все еще далеки от того количества разных товаров и услуг, которое существует даже в слаборазвитых экономиках типа экономики бывшего СССР, где количество товаров значительно превышало 12 млн. Алек Ноув упоминает о том, что, по мнению академика Николая Федоренко, потребовалось бы 30 000 лет, чтобы сформулировать и решить проблему экономического рас-

---

²¹ P. A. Samuelson and W. D. Nordhaus, *Economics*, 12th ed. (New York: McGraw-Hill, 1985). Похвально, что в этом издании своего знаменитого учебника Самуэльсон и Нордхаус признают правоту Хайека, о чем свидетельствует следующая сноска: «Но даже если бы появились компьютеры, в тысячи раз более быстрые, чем те, что есть сейчас, мы все равно столкнулись бы с другим непреодолимым препятствием: *Нам недоступна даже небольшая часть тех данных, которые необходимы для решения проблемы общего равновесия*». (Цит. по изданию на испанском языке: *Economía*, 12th ed. (Madrid: McGraw-Hill, 1986), 830.) Очень жаль, что Самуэльсон и Нордхаус не нашли для этой основополагающей идеи иного места, кроме как в хвосте сноски, и не включили ее в основной текст своего популярного труда. Кроме того, эта важнейшая идея вступает в противоречие с содержанием самой книги (pp. 839 и 840 исп. изд.), в которой имеется краткое и невнятное изложение спора, показывающее, что авторы не смогли понять сути поставленной Мизесом и Хайеком проблемы экономического расчета при социализме. Сверх того, в издании учебника Самуэльсона 1989 г. все еще можно было найти следующее утверждение: «Советская экономика является доказательством того, что несмотря на мнения скептиков, социалистическая командная экономика может функционировать и даже процветать». Это утверждение ставит авторов в довольно затруднительное положение в свете событий, которые именно тогда стали разворачиваться в Восточной Европе, а также в свете появившейся в тот момент информации из первых рук о том, как на самом деле функционировала социалистическая экономика. См.: Paul A. Samuelson, *Economics*, 13th ed. (New York: McGraw-Hill, 1989), 837.

чета применительно к последней советской пятилетке²². Вне зависимости от того, насколько фантастическими кажутся эти цифры, мы не должны обманывать себя, полагая, что в них кроется главная причина краха социализма. Даже если в будущем компьютеры дадут нам возможность решать системы из сотен миллионов уравнений за десятые доли секунды, возможность с помощью принуждения получить информацию, необходимую для того, чтобы формулировать такие системы уравнений, не появится никогда.

3. Одна из возможных причин, по которым можно неправильно понять позицию Хайека, состоит в порядке, в котором он излагает свои доводы²³. Действительно, когда Хайек

---

²² «Это лишь одна из сложностей, возникающих в силу необходимости координировать многие миллионы плановых распоряжений. Академик Федоренко шутил, что если бы план на следующий год нужно было бы полностью проверять и сводить, то он был бы готов через 30 тысяч лет». (Alec Nove, "Planned Economy", *The New Palgrave: A Dictionary of Economics* [London: Macmillan, 1987], 3: 879—885). Мы процитировали отрывок текста со с. 881. К сожалению, Алек Ноув также не может понять существо фундаментальной экономической проблемы, которую ставит социализм, и верит, что проблема сводится к трудностям алгебраического характера, связанным с решением соответствующей системы уравнений. В частности, следующая цитата из Ноува показывает, что он либо не читал Мизеса, либо не понял сути его доказательства: «Критики, например Бароне и Л. Мизес, отмечали значительные недостатки такого подхода к планированию при социализме... *Количество необходимых вычислений должно было бы быть колоссальным...*» Мы помним, что суть аргумента Мизеса против экономического расчета при социализме состоит не в этом (на самом деле Мизес никогда не утверждал прямо того, о чем пишет Ноув), а в том, что даже если бы настолько сложную систему уравнений было можно решить, *информация, необходимая для того, чтобы их сформулировать, при социализме принципиально недоступна.*

²³ Дон Лавой в прекрасной книге *Rivalry and Central Planning* (р. 91) добавляет, что, с его точки зрения, Хайек сделал стратегическую ошибку, включив в *Collectivist Economic Planning* (1935) свой перевод на английский статьи Бароне 1908 г., так как в этой статье упоминается (причем мимоходом), что планирование, основанное на системе уравнений Вальраса, *нереально* в основном в силу трудностей, связанных с решением соответствующей системы уравнений. Лавой был совершенно прав, когда писал: «Однако, если не для Роббинса, то, по крайней мере для Мизеса и Хайека,

критикует «математическое решение», он придерживается такого порядка изложения, как если бы речь шла о чисто алгебраической проблеме. Он начинает с проблемы, которую представляет формулировка уравнений. При этом он упоминает о фундаментальной теоретической проблеме: о невозможности получить информацию, необходимую, чтобы их сформулировать. Затем Хайек пишет, что даже если для чистоты рассуждений предположить, что можно было бы сформулировать уравнения, описывающие систему равновесия, *на практике* решить такую систему алгебраически было бы невозможно. Очевидно, что Хайека занимает фундаментальное теоретическое доказательство невозможности получить информацию, необходимую для того, чтобы сформулировать соответствующие уравнения, а проблема того, как их решить, для него вторична²⁴. Тем не менее, возмож-

---

проблему представляло *формулирование уравнений*, а не их решение. В сложноорганизованном и постоянно меняющемся мире у тех, кто занимается централизованным планированием, не было бы информации о коэффициентах, которые должны использоваться в этих уравнениях» (р. 91).

²⁴ Лайонел Роббинс, вероятно, наименее четко высказался по поводу чисто вспомогательного характера аргумента о практической сложности алгебраического решения уравнений Вальраса. Вероятнее всего, Роббинс был настолько убежден в абсурдности поисков практического решения такого типа, что он даже не позаботился о том, чтобы уточнить и детализировать фундаментальное теоретическое доказательство. Однако в защиту Роббинса говорят те замечания об экономическом расчете, которые можно найти в его книге, посвященной анализу иных проблем (причин Великой депрессии). На с. 151 книги *The Great Depression* (New York: Macmillan, 1934), упомянув о том, что «на бумаге» можно представить себе решение проблемы экономического расчета с помощью ряда математических вычислений, он пишет далее: «Но на практике это решение невозможно. Для него потребовалось бы составить миллионы уравнений на основании миллионов статистических таблиц, основанных на множестве миллионов отдельных вычислений. К тому времени как уравнения были бы решены, информация, на которой они основаны, устарела бы и нужно было бы начинать вычисления сначала. Утверждения о том, что практическое решение проблемы планирования возможно на основании уравнений Парето, указывает исключительно на то, что их авторы абсолютно незнакомы с этими уравнениями».

но, потому, что он излагает свои доводы в указанном выше порядке, многие комментаторы неверно решили, что Хайек отступил на предварительно подготовленную линию обороны и спрятался за практическими сложностями, связанными с решением системы уравнений, вместо того, чтобы заниматься теоретическими доводами в пользу логической невозможности социализма. Такая интерпретация ошибочна, и сам Хайек ее специально опровергал²⁵.

4. Людвиг фон Мизес особенно ясно показал, что довод о сложности алгебраического решения системы уравнений не просто вторичен, как полагал Хайек, но и совершенно избыточен и не имеет никакого теоретического значения²⁶.

---

²⁵ «Я чувствую себя обязанным однозначно заявить, что я никогда не соглашался с тем, что Ланге якобы предложил теоретическое решение этой проблемы, а также, что после выступления Ланге я не переводил дискуссию в область чисто практических трудностей, несмотря на то, что такие утверждения часто встречаются. Я говорил (см.: *Individualism and Economic Order*, p. 187 [Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 182]) исключительно о том, что из фактически ложной гипотезы, в соответствии с которой центральный планирующий орган способен собрать всю необходимую информацию, может логически вытекать то, что проблема в принципе имеет решение. *Увидеть в этом замечании «признание» того, что реальная проблема может иметь теоретическое решение, означает довольно грубо извратить его смысл.* Разумеется, никто не может передать другому все знание, которым он обладает, и, конечно, никто не может передать информацию, которую мог бы найти только в том случае, если бы цены рынка сказали ему, что стоит искать». См.: F. A. Hayek, "Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation," *Economic Affairs*, April 1982, переиздана в качестве главы 4 книги *The Essence of Hayek*, ed. Chiaki Nishiyama and Kurt R. Leube (Stanford: Hoover Institution, Stanford University, 1984), 58.

²⁶ Действительно, для Мизеса «нет необходимости специально подчеркивать, что фантастическое количество уравнений, которые каждый должен решать каждый день заново, чтобы на практике использовать этот метод, лишает смысла всю эту затею, даже если бы она и была разумной заменой экономическому расчету рынка... Поэтому создание электронных вычислительных машин не оказывает никакого влияния на нашу проблему» (Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 715 и последняя строка сноски на с. 715). Сходное мнение высказывается в замечательной кни-

По Мизесу, фундаментальная проблема состоит в том, что знание, необходимое для формулирования уравнений равновесия, в принципе не может быть доступным централизованно. Кроме того, в 1940 г. он выдвинул дополнительный аргумент, которого не было у Хайека: даже если бы можно было сформулировать систему уравнений, описывающих равновесие (что невозможно сделать, используя информацию, типичную для состояния неравновесия, то есть единственный вид информации, доступный в реальности), *это ничем бы не помогло ответственным за планирование или регулирование властям, которые должны определять, какие конкретно решения и шаги приведут экономику из текущего, реального состояния неравновесия к желаемому, идеальному состоянию равновесия*. Как пишет сам Мизес: «Было серьезной ошибкой полагать, что состояние равновесия можно рассчитать с помощью математических операций на основании информации об условиях в состоянии неравновесия. Было бы не менее ошибочно полагать, что информация об условиях в гипотетическом состоянии равновесия могла бы хоть как-то пригодиться действующему человеку в его поисках наилучшего решения проблем, с которыми он сталкивается в своих ежедневных занятиях и актах выбора»²⁷.

---

re: Esteban F. Thomsen, *Prices and Knowledge: A Market Process Perspective* (London: Routledge, 1992), 83–86.

²⁷ Этот блестящий дополнительный довод Мизеса, который никто не опровергал, впервые появился по-немецки в его книге *Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens* ([Geneva: Editions Union, 1940], 641–645), в разделе 4 (“Die Gleichungen der mathematischen Katallaktik”) главы, которую он посвятил опровержению попыток решения проблемы экономического расчета. Ранее, в 1938 г., основные тезисы этого раздела были опубликованы по-французски под названием “Les équations de l’économie mathématique et le problème de calcul économique en régime socialiste”. (Эта статья была опубликована в *Revue d’Économie Politique* [1938]: 1055–1062, и переиздана в том же журнале 50 лет спустя в по. 97 [6], November-December, 1987, с комментариями Жана Бенара, которые показывают, что и этот автор не понимает экономических проблем, связанных с экономическим расчетом при социализме.) Позже Мизес расширил и развил этот довод на английском языке, см.: Mises, *Human Action*, 710–715 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 665–669].

4. Метод «проб и ошибок»

Еще в 1935 г. Хайек подозревал, что на самом деле Тейлор и Диккинсон, когда говорили о решении проблемы экономического расчета, не имели в виду метод, буквально основанный на математическом решении системы уравнений Вальраса. Хайек полагал, что в действительности Тейлор и Диккинсон в довольно неопределенных выражениях предлагали заняться поисками решения системы уравнений Вальраса с помощью процедуры, основанной на методе «проб и ошибок»²⁸.

В хронологическом отношении Тейлор — первый, кто прямо упоминает о методе «проб и ошибок». Действительно, он пишет: «Метод проб и ошибок... состоит в последовательном испытывании на практике гипотетических решений до тех пор, пока одно из них не приведет к успеху»²⁹. Диккинсон высказывался на эту тему менее определенно; он просто упомянул о «процессе последовательного приближения» к правильному решению³⁰.

²⁸ «Невероятно, чтобы кто-либо, осознав масштаб подобной задачи, всерьез предложил систему планирования на основе всеобъемлющей системы уравнений. Из чего действительно исходили те, кто разрабатывали такого рода анализ, так это из убеждения, что, начиная с состояния, унаследованного от существовавшего до того капиталистического общества, *адаптация* к повседневно происходящим мельчайшим изменениям *может быть достигнута постепенно, методом проб и ошибок*» (Ф. А. Hayek, “The Present State of the Debate”, *Collectivist Economic Planning*, 213 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 157.] [Курсив мой. — У. de C.]).

²⁹ Fred M. Taylor, “The Guidance of Production in a Socialist State” in *On the Economic Theory of Socialism*, 51.

³⁰ Henry D. Dickinson, “Price Formation in a Socialist Community”, 241. В 1931 г., в промежутке между Тейлором (1928) и Диккинсоном (1933), другой американец, Уиллет Кросби Роупер, также предлагал использовать метод проб и ошибок, полагая при этом, что дефицит, который будет возникать в экономике в результате проб и ошибок, во всяком случае, будет ясно сигнализировать центральным властям, что они должны изменить свои распоряжения, и направлять их к «верному» решению. Однако, хотя Роупер не скрывает своих симпатий к социализму, он ясно осознает огромные практические трудности, которые возникнут в случае применения рекомендованного им метода проб и ошибок.

С учетом невнятности и неопределенности их текстов, довольно сложно ясно и подробно описать то, что Тейлор, Роупер и Диккинсон понимали под методом «проб и ошибок», хотя в принципе этот метод предлагался как *вариант* «математического решения», как попытка избежать тяжелой необходимости решать алгебраическими методами крайне сложную систему уравнений. На самом деле они, так же как и Ланге (как мы увидим позже), считали математическое решение наиболее подходящим, но полагали, что до тех пор, пока не найдено решение соответствующей системы уравнений, можно вплотную приблизиться к нему, используя процедуру «проб и ошибок». Для этого нужно лишь взять за основу унаследованные от капиталистической системы «равновесные решения» и затем вносить в них мелкие исправления, необходимые, чтобы «возвращать» систему в состояние равновесия после того, как в ней происходят какие-либо изменения.

В частности, он пишет: «В нашем описании это выглядит простым и легкоосуществимым. Казалось бы, все дело в том, чтобы вначале исправить несколько ошибок, а затем просто наблюдать за работой системы. Однако *мы не учитываем невероятную сложность экономического процесса*... Если при создании системы цен будет допущена всего лишь одна или две существенных ошибки (что практически невероятно), эти ошибки приведут к изменениям, которые затронут всю систему. Если ошибок было больше, понадобилось бы значительное время и большой объем вычислений, чтобы достичь состояния равновесия, когда цена факторов будет точно соответствовать их предельной производительности, цены факторов одинаковой эффективности будут равны и будет реализована вся теоретическая система стабильного равновесия. *Собственно говоря, такого равновесия можно достичь только в статичной экономике, существование которой невозможно*. ...Можно относительно уверенно сказать, что создание аппарата ценообразования, необходимого для успешного централизованного коллективистского порядка, является в лучшем случае отдаленной возможностью». В заключение он пишет: «Представляется, что максимальные шансы на успех для социалистического общества связаны с децентрализованной организацией, сохраняющей, насколько это возможно, основные черты капитализма» (Willet Crosby Roper, *The Problem of Pricing in a Socialist State* [Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1931], 58, 59, 60, 62).

На практике использование этого метода означало бы, что менеджеры и люди, ответственные за различные сектора, отрасли и фирмы, получили бы приказ непрерывно передавать центральному плановому органу информацию о различных связанных с производством обстоятельствах вообще и о различных сочетаниях факторов производства, в частности. На основании полученной информации центральный плановый орган предварительно устанавливал бы временные «цены» на все; эти цены доводились бы до менеджеров, чтобы они могли определить, какое количество продукции они в состоянии произвести по этим ценам, и действовали бы соответствующим образом. По результатам деятельности менеджеров можно было бы выявить ошибки, которые имели бы форму дефицита (когда спрос превышал бы предложение) или избытка (когда предложение превышало бы спрос). Дефицит или избыток того или иного продукта указывали бы центральному плановому органу на то, что цена была установлена неправильно и что ее нужно, в зависимости от обстоятельств, понизить или повысить. Этот процесс повторялся бы многократно вплоть до достижения столь желанного нового «равновесия». Такова суть «хваленного» метода «проб и ошибок».

Критика метода «проб и ошибок»

Метод проб и ошибок, который мы только что описали, не только кажется «простым» лишь на первый взгляд; в силу причин, изложенных ниже, он неспособен решить фундаментальную экономическую проблему социализма.

Во-первых, с теоретической точки зрения, мысль о том, что реальная капиталистическая система может достичь состояния «равновесия», абсурдна. В капиталистической системе цены, которые устанавливают стороны, это «рыночные цены», находящиеся в постоянном движении, вызванном творческой силой предпринимательства; они не являются «равновесными ценами», которые способна была бы «унаследовать» социалистическая система в качестве надежного отправного пункта. Таким образом, социалистические теоретики не только демонстрируют глубокое непонимание того, как работает рынок: как это ни парадоксально, с точки зрения их (ложной) концепции рынок

работает гораздо «лучше», чем на самом деле, потому что они полагают, что он обычно находится «в равновесии». В отличие от них, мы знаем, что рынок никогда не находится в «равновесии», и это не признак его «несовершенства», а его главная и наиболее типичная особенность. Поэтому особенно жалко выглядит то, что социалистические теоретики были вынуждены в тактических целях отказаться от критики рынка за отсутствие равновесия ради возможности утверждать, что функционирование социализма в состоянии обеспечить метод проб и ошибок, который может базироваться только на «равновесных ценах» так ненавистной им капиталистической системы.

Во-вторых, совершенно недопустимым является предположение, что изменения в экономической системе после того, как она была преобразована из капитализма в социализм, будут относительно незначительными. Наоборот, во всех экономических и социальных сферах изменения неизбежно будут настолько велики, что потребуются полная и всеобщая перестройка всей системы цен. Причиной этого будет исчезновение прав собственности на факторы производства и те резкие изменения в распределении дохода, которые происходят во время любой революционной смены одной экономической системы другой. Кроме того, изменятся цели экономических субъектов и доступные им средства — в связи с изменением положения каждого индивида на новой социальной лестнице, а также в свете колоссального уровня институционального принуждения и жесткости, направленных на разрушение свободного предпринимательства во всех социальных сферах. Итак, теоретически недопустимо утверждать, что существовавшие до установления социализма в капиталистической экономической системе цены можно взять в качестве отправного пункта и придерживаться их, просто внося мелкие «частные» поправки, необходимые для поддержания системы в равновесии³¹.

³¹ F. A. Hayek, "The Present State of the Debate" in *Collectivist Economic Planning*, 213 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 157]. В этом вопросе Хайек просто следует за первоначальной догадкой Мизеса, который еще в 1920 г. писал: «Вследствие выравнивания всех различий в доходах и вытекающей из этого коррекции потребления, а следовательно, и производства, установление социа-

В-третьих, даже если допустить, в порядке дискуссии, что переход от капитализма к социализму несущественно влияет на систему цен, важно помнить, что лишь в редких случаях дефицит или избыток продукта представляют собой надежные индикаторы, указывающие центральному плановому органу на то, как он должен действовать по отношению к цене этого продукта. В частности, для того, чтобы дефицит или избыток какого-либо продукта могли указывать на то, необходимо или нет снизить или повысить предварительно установленную цену, у различных экономических субъектов должен быть выбор и они должны его осознавать. Иными словами, если вариантов выбора нет или они не осознаются, дефицит не имеет большого значения, потому что его вызывает отсутствие благ и услуг (или информации о них), которые похожи на дефицитные, но отличаются от них по качеству или цене, а также товаров и услуг, которые отличаются от дефицитных, но могут в какой-то степени использоваться вместо них. Поэтому дефицит не является симптомом, указывающим на то, что цену нужно повысить, так как во многих случаях наиболее рациональным способом реагирования была бы попытка разрабатывать, испытывать и внедрять новые, альтернативные продукты.

В четвертых, для того, чтобы дефицит какого-либо товара мог что-то означать и каким-то образом способствовать принятию решений центральным плановым органом, важно

лизма должно *изменить все экономические данные* в такой степени, что связь между ним и существовавшей до него конкурентной экономикой станет невозможной». См. также: Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth" in *Collectivist Economic Planning*, 109—110. Если мы свяжем эти утверждения с тем, о чем говорится выше, в сноске 27, то увидим, что за 20 лет Мизес развил и усовершенствовал свой аргумент. В результате получилось следующее: 1) безусловно, неверно считать, что исходные условия соответствуют состоянию равновесия; 2) в силу отсутствия информации невозможно рассчитать конечное состояние равновесия; 3) даже если в порядке дискуссии предположить, что проблемы (1) и (2) уже решены, то все равно нет ничего, чем можно было бы руководствоваться, направляя движение бесконечного множества действий, необходимых, чтобы перейти от исходного состояния равновесия к конечному состоянию равновесия. (Высшая точка рассуждений Мизеса, см. выше, сноска 27.)

также, чтобы количество «чеков», выпущенных в обеспечение прав на приобретение производственных факторов и потребительских благ, не было бы чрезмерно большим. (Мы не говорим о «денежных единицах», поскольку, как мы объясняли ранее, представление о деньгах в социалистической и капиталистической системе сильно различается.) Если же выпущено слишком много «денежных» единиц, то возникает всеобщий дефицит благ, услуг и производственных ресурсов, который не может служить точным индикатором того, на сколько следует повысить цену каждого отдельного блага, услуги или фактора производства, а также того, насколько следует увеличить их производство³².

В-пятых, если, как это обычно бывает, дефицит становится хронической или регулярно проявляющейся чертой социалистической системы, то экономические агенты (потребители, менеджеры и др.) рано или поздно извлекут выводы из собственного опыта и их врожденные «предпринимательские» способности станут направляться на попытки добыть хоть какой-нибудь товар, доступный в обмен на «денежные единицы». Итак, налицо уход в реальные ценности всех экономических субъектов, которые пытаются купить все равно что, даже то, что им не нужно (в данный момент или вообще), потому что понимают, что дефицит является доминирующей чертой соответствующей экономической системы и им следует покупать любые, даже ненужные блага в качестве предосторожности: ведь в будущем это благо может оказаться и полезным, и недоступным одновременно. Это явление присуще и производственной сфере. Корнаи очень ясно объяснил, что в социалистической системе менеджеры промышленных предприятий очень быстро обнаруживают, что дефицит сырья и материалов, то есть факторов производства, носит хронический характер и составляет доминирующую особенность этой системы. Кроме того, менеджер осознает, что, поддерживая большой запас факторов производства, он ничего не теряет, так как в

³² Трюгве Хофф очень наглядно объясняет, что «как в теннисе счет 6-0, 6-0 не позволяет понять, насколько лучше играет победитель, чем проигравший, так и запасы нераспроданных благ не дают основания сделать выводы от том, насколько сильно стремление к отдельным благам». Trygve J. V. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 117—118.

силу отсутствия жестких бюджетных ограничений у него не возникает проблемы финансовых издержек. Напротив, если из-за нехватки какого-либо сырья или фактора производства менеджер не в состоянии достичь цели, принудительно навязанной ему плановым органом, это является для него очень существенным реальным риском. Следовательно, возникает повсеместная и постоянная установка на то, чтобы требовать и запасать в избыточных количествах сырье и материалы, то есть факторы производства, любого рода, в том числе те, которые не очень нужны; в результате повсеместный дефицит ресурсов неизбежно становится определяющей характеристикой социалистической экономической системы³³. Соответственно, очевидно, что если экономическая система характеризуется хроническим, абсолютным и постоянным дефицитом большинства экономических потребительских благ и факторов производства, то центральный плановый орган в принципе не может найти равновесное решение с помощью метода «проб и ошибок», основанного на наблюдении за возникновением в данной экономической системе *дефицита* конкретных благ³⁴.

В-шестых, нам следует подчеркнуть, что экономическая система является не просто конгломератом отдельных благ и услуг, где дефицит или избыток любого конкретного товара автоматически указывает на необходимость повысить или снизить цену. Экономическая система постоянно порождает некое множество тесно взаимосвязанных потребительских благ, услуг и факторов производства. Так, например, дефицит какого-то блага может иметься, но не замечаться из-за того, что он может быть скрыт наличием или отсутствием дру-

³³ См.: János Kornai, *Economics of Shortages* (Amsterdam: North Holland, 1980) [Корнай Я. Дефицит. М.: Экономика, 1990] и *Growth, Efficiency and Shortages* (Berkeley: University of California Press, 1982).

³⁴ Хофф также отмечает, что в этих обстоятельствах еще одна неразрешимая проблема связана со степенью повышения цены, которую должен установить центральный планирующий орган во всех тех случаях, когда возникает дефицит. По мнению Хоффа, сам факт наличия дефицита не содержит никакой информации о том, как осуществить соответствующее повышение цен (по отношению к каким конкретно благам и в какой степени). См.: Trygve J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 119.

гих благ, прямо или косвенно дополняющих или заменяющих его. Может быть и так, что дефицит, скорее всего, существует, но в конкретных обстоятельствах разумнее более интенсивно использовать существующие товары-заменители, а не повышать цену. Это значит, что центральный плановый орган не может ориентироваться на дефицит или избыток отдельных благ, а должен замечать и мониторить дефицит или избыток *всех благ как одной группы*, с учетом взаимосвязей этих благ. Таким образом, метод, предназначенный для того, чтобы рассматривать каждое благо по отдельности, в частности, метод «проб и ошибок», совершенно бесполезен на практике³⁵.

В-седьмых, Людвиг фон Мизес доказывает, что метод проб и ошибок применим по отношению к таким задачам лишь тогда, когда верное решение можно найти по однозначным признакам и данным, не зависящим от самого метода проб и ошибок. Дело обстоит совершенно иначе, если единственный признак правильности решения — это как раз то, что оно было найдено с помощью метода или процедуры, которые считаются подходящими для решения данной проблемы. Иными словами, метод проб и ошибок может пригодиться, если взять за точку отсчета конкретные знания и приспособить к ним конкретное решение. Если, как это происходит в социалистической системе, точки отсчета не существует, потому что соответствующий предпринимательский рыночный процесс был устранен, то у центрального планового органа не будет ориентиров, необходимых для того, чтобы выработать правильное решение с помощью метода проб и ошибок. Неверно говорить, что такими «ориентирами» как раз и являются «объ-

---

³⁵ Этот довод я позаимствовал у Роберта Брэдли (кафедра экономической теории Хьюстонского университета). См.: Robert Bradley “Socialism and the Trial and Error Proposal,” часть 4 статьи “Market Socialism: A Subjectivist Evaluation,” *The Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 28—29. Брэдли пишет: «Логически возможна ситуация, когда цены какого-то блага и всех его заменителей взаимосвязаны, но не указывают на дефицит. В этом случае неверные цены просто служат друг другу взаимным прикрытием. Итак, мы видим, что просто мониторинга цен недостаточно; ЦПО (центральному плановому органу) необходимо контролировать все взаимосвязи между ценами. Таким образом, метод “проб и ошибок” теряет смысл, поскольку он распространяется лишь на цены, взятые по отдельности» (р. 29).

ективные» проявления перепроизводства и дефицита. Кроме того, что, как мы уже видели, такие ориентиры и не являются объективными, и не указывают однозначно на то, что следует делать, *они представляют собой эндогенный результат использования метода проб и ошибок* и поэтому в принципе не могут претендовать на объективность. Они представляют собой просто повторяющиеся произвольные и случайные проявления движущегося по кругу процесса нарушения координации и возникновения неэффективности — процесса, который никуда не ведет. Применительно к экономике, где люди обладают свободой предпринимательской деятельности, в каком-то смысле можно сказать, что, когда экономические субъекты действуют предпринимательно, они используют процедуру «проб и ошибок», чтобы приблизиться к приемлемым решениям, то есть чтобы найти и исправить возникающие в обществе случаи рассогласованности. Это происходит потому, что в ходе взаимосвязанной предпринимательской деятельности нескольких людей порождается информация, которая не могла бы возникнуть в ходе активности отдельно взятого человека, вне зависимости от того, насколько интенсивно используется метод проб и ошибок, и эта информация представляет собой необходимое «сырье» для оценки прибыли и издержек каждого человеческого действия. Таким образом, руководствуясь данными, полученными в результате расчета прибыли и убытков, экономические субъекты обычно действуют согласованно. Если же свобода предпринимательства принудительно ограничивается, то исчезает единственный процесс, обеспечивающий согласованную корректировку различных типов поведения, в совокупности образующих жизнь общества. Соответственно, исчезает единственный *внешний ориентир*, позволяющий каждому из действующих субъектов судить, становится ли он ближе к наиболее подходящему для него решению³⁶.

³⁶ Людвиг фон Мизес писал: «Метод проб и ошибок применим во всех случаях, когда правильность решения можно определить по безошибочным признакам, не зависящим от самого метода проб и ошибок. ... Иное дело, когда единственный признак правильного решения — это то, что оно было достигнуто с помощью метода, считающегося подходящим для решения проблемы. Правильность результата умножения двух сомножителей определяется как результат правильного применения процесса, предписываемого

В-восьмых, главный недостаток метода проб и ошибок: он подразумевает, что сообщество останется статичным, то есть, что пока будут продолжаться «пробы» и выявляться возможные «ошибки», большая часть социальных обстоятельств останется неизменной. Однако, если учесть, что (как это всегда бывает на самом деле) корректировки приводят к глобальным изменениям, которые до некоторой степени влияют на цены всех факторов производства, а также потребительских благ и услуг, то любая попытка «исправить» действительные или мнимые ошибки всегда будет происходить *слишком поздно* и, соответственно, будет вызывать глубокие искажения. Иными словами, как показал Хайек, использование метода проб и ошибок в реальной жизни, где постоянно происходят изменения, невозможно³⁷. Каждое из отдельных изменений ока-

---

арифметикой. Можно пытаться угадать правильный результат методом проб и ошибок. Но здесь метод проб и ошибок никак не заменит действий арифметики. Он будет совершенно бесполезен, если арифметическое действие не обеспечит критерий, отличающий правильное от неправильного. Если называть предпринимательскую деятельность применением метода проб и ошибок, то не следует забывать, что правильное решение легко опознается как таковое. Оно заключается в появлении избытка доходов над расходами. Прибыль говорит предпринимателю о том, что потребители одобряют его инициативу; убыток свидетельствует об обратном. Проблема социалистического экономического расчета именно в этом: при отсутствии *рыночных* цен на факторы производства расчет прибыли и убытков невозможен» (Mises, *Human Action*, 704—705 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 759—660]).

³⁷ Вот что писал об этом сам Хайек: «Почти каждое изменение любой отдельной цены делало бы необходимым изменение сотен других цен, и большинство таких изменений никоим образом не были бы пропорциональны, но зависели бы от разной степени эластичности спроса, от возможностей замещения и иных изменений в методе производства. Безусловно, абсурдно думать, что все такие приспособления удавалось бы осуществлять с помощью последовательной серии приказов центральной власти, когда в том замечалась бы необходимость, и что тогда бы каждая цена назначалась, корректировалась, вновь менялась и так до тех пор, пока не достигалась бы какая-то степень равновесия. Что цены могут устанавливаться на основе полного видения ситуации, по крайней мере мыслимо, хотя и совершенно неосуществимо практически. Но основывать правильное назначение цен на изу-

зывает чрезвычайно разнообразное влияние на цены, качество и типы товаров, производящихся в обществе, и, таким образом, с помощью метода проб и ошибок абсолютно невозможно достичь гипотетического равновесного решения раньше, чем это решение совершенно устареет в результате новых изменений. Если бы реальный мир был неизменным и информация оставалась той же самой, то поиск равновесной системы цен с помощью метода проб и ошибок был бы куда более рациональным занятием — при условии господства мнения, что равновесие представляет собой ту самую более надежную точку отсчета, с которой сравниваются различные предварительные потенциально возможные решения. Однако, несмотря на то, что по умолчанию предполагают социалистические теоретики, реальный мир не пребывает в равновесии и, соответственно, найти решение пресловутой системы уравнений с помощью метода проб и ошибок невозможно.

Наконец, *в-девятых*, самый важный довод против метода проб и ошибок состоит в том, что этот метод полностью исключает предпринимательство (см. главу 2). Главный вопрос в том, *кто* будет применять метод проб и ошибок. Понятно, что

чени крохотной части экономической системы — это задача, которую нельзя выполнить рационально ни при каких условиях» (Hayek, “The Present State of the Debate”, *Collectivist Economic Planning*, 214 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 158]). Спустя 5 лет, в 1940 г., отвечая Ланге, Хайек выразился еще более ясно: «Трудно подавить подозрение, что эти конкретные предложения родились из чрезмерной поглощенности проблемами чистой теории устойчивого равновесия. Если бы в реальном мире мы имели дело с почти постоянными данными, то есть если бы проблема состояла в том, чтобы найти систему цен, которую можно было бы оставлять более или менее неизменной на длительные периоды, тогда рассматриваемые предложения не были бы безрассудными. С заданными и неменяющимися данными действительно можно было бы методом проб и ошибок приблизиться к такому состоянию равновесия. Но далеко не так обстоит дело в реальном мире, где постоянное изменение — это правило» (Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution” in *Individualism and Economic Order*, 188 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 183]).

если выбор предварительных решений будут осуществлять не отдельные экономические субъекты, которые владеют практической информацией, то метод проб и ошибок заведет в тупик по причинам, перечисленным нами в главе 3. К тому же у центрального планового органа будет отсутствовать жизненно важная практическая информация, которая создается только людьми, действующими в процессе предпринимательства, и доступна только их разуму. Кроме того, если у людей не будет свободы проявления предпринимательства, то информация, необходимая для осуществления координации и коррекции в обществе, просто не будет создаваться. А если эта информация даже не порождается, то ее вряд ли можно передать в центральный плановый орган. Как мы уже отметили, чтобы метод проб и ошибок имел какой-то смысл, его следует применять на уровне отдельного человека в контексте рыночной экономики, где люди могут совершенно свободно заниматься предпринимательством и пожинать плоды своего личного предпринимательского творчества. Не следует также забывать, что информация носит исключительно субъективный характер и разные люди будут по-разному интерпретировать одни и те же наблюдаемые события реального мира и тем самым будут порождать в связи с ними разную информацию, в соответствии с обстоятельствами жизни и контекстом деятельности каждого человека. С точки зрения экономической науки нет ничего хорошего в том, чтобы центральный плановый орган, сталкиваясь с дефицитом какого-нибудь продукта, автоматически применял бы какое-нибудь предустановленное правило (повысить производство блага X или увеличить его цену на определенный процент), потому что если оставить предпринимательский процесс в покое, творческий ум людей наверняка найдет радикально другое решение той же самой объективной проблемы. Поэтому в случае дефицита было бы правильно не повышать цену, а использовать предпринимательскую сметку, чтобы найти новые решения проблемы, разработав заменители, отыскав новые варианты, до которых еще никто не додумался и т.п. Итак, мы видим, что логически невозможно использовать метод проб и ошибок для успешной коррекции решения гипотетической системы уравнений, способной обеспечить возможность экономического расчета в обществе с запретом на свободное предпринимательство. В этих условиях у центрального планового органа будет отсутствовать жизнен-

но необходимая практическая информация, поскольку она даже не будет создаваться экономическими субъектами-участниками системы, и, как следствие, у него не будет ориентира, по которому можно было бы корректировать возникающую в обществе рассогласованность. Следовательно, централизованное использование метода проб и ошибок не приводит к равновесному решению и неспособно направлять гипотетический централизованный орган принуждения к тем решениям, которые позволят ему координировать социальный процесс³⁸.

5. Теоретическая невозможность планометрики³⁹

Вышеизложенные критические замечания по поводу использования метода «проб и ошибок» для решения проблемы экономического расчета при социализме распространяются на весь обширный массив текстов⁴⁰, который создали экономисты

³⁸ См. также в следующей главе критику варианта метода «проб и ошибок», предложенного Оскаром Ланге.

³⁹ Популяризатор этого термина Юзеф Вильчинский пишет: «Планометрика — это раздел экономики, посвященный методам построения экономических планов и их оптимизации с использованием современных математических методов и электронных вычислительных устройств» (J. Wilczynski, *The Economics of Socialism*, 3rd ed. [London: George Allen & Unwin, 1978], 17, 24, 46). Другие термины, которыми иногда обозначают этот раздел экономической теории, это «компутопия» и «теория механизмов размещения ресурсов»; ими мы обязаны соответственно Эгону Нойбергеру (Egon Neuberger, “Liebermanism, Computopia and Visible Hand: The Question of Informational Efficiency,” *American Economic Review*, “Papers and Proceedings” [May 1966]) и Леониду Гурвицу (Leonid Hurwicz, “The Design of Mechanisms for Resource Allocation,” *American Economic Review*, no. 63 [May 1973]).

⁴⁰ См. в качестве примеров «планометрических» текстов: К. J. Arrow and L. Hurwicz, *Studies in Resource Allocation Processes* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977); Leonid Hurwicz, “The Design of Mechanisms for Resource Allocation”, *American Economic Review* 2, no. 63 (May 1973); John P. Hardt and others, eds., *Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning* (New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1967); Benjamin N. Ward, “Linear Programming and Soviet Planning,” in *Math-*

школы общего равновесия в русле так называемой «планометрики». Эта дисциплина основана на крайне сложных математических методах, включая линейное и нелинейное программирование, целочисленное программирование, существенную часть кибернетической теории принятия решений, а также на множестве компьютерных процессов, связанных с итеративными алгоритмами. Главная цель этих моделей состоит в том, чтобы *предварительно* задать всю конфигурацию равновесных цен. Иными словами, делается попытка — до того, как рынок стихийно установит цены — найти решение, которое *заранее* обеспечило бы согласование всех планов экономических агентов и, соответственно, сделало бы ненужным реально происходящий на рынке процесс координации, который по своей природе всегда действует *a posteriori*, поскольку в движение его приводит сила предпринимательства. Итак, планометрические технологии направлены на то, чтобы заменить конкурентный предпринимательский процесс механизмом,

---

emetics and Computers in Soviet Economic Planning, а также: Idem., *The Socialist Economy: A Study of Organizational Alternatives* (New York: Random House, 1967). На с. 94 блестящей книги Дона Лавоя *Rivalry and Central Planning* можно найти исчерпывающий обзор всех существующих на английском языке книг на эту тему. Обзор литературы по планометрике на немецком языке см.: Christian Seidl, "Allokations Mechanismus Asymmetrische Information und Wirtschaftssystem," *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* 3, no. 197 (1982), 193—220. Краткий, но ценный обзор того, что происходило в этой области до настоящего времени [1992] и связанных с этим проблем см.: John Bennett, *The Economic Theory of Central Planning* (London: Basil Blackwell, 1989), esp. chap. 2, pp. 9—37. Также см. статью: Peter Bernholz, "Information, Motivation and the Problem of Rational Economic Calculation in Socialism," chap. 7 of *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues*, ed. Svetozar Pejovich (Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1987), 161—167. Наконец, нужно отметить советскую школу во главе с Леонидом Канторовичем, который был одержим развитием и усовершенствованием методов оптимизации, а также оказался неспособен осознать экономическую (в отличие от «технической») проблему, которую ставит социализм, и предложить решение, направленное против постепенного распада советской модели. См.: Roy Gardner, "L. V. Kantorovich: The Price Implications of Optimal Planning," *Journal of Economic Literature* 28 (June 1990), 638—648, в том числе все перечисленные там источники.

который сделал бы возможным централизованную предварительную координацию общества.

До сих пор ни одну из планометрических моделей было невозможно воплотить в жизнь, и даже социалистические теоретики согласны с тем, что вероятность их реализации крайне невысока. Однако, некоторые люди и по сей день утверждают, что это связано в основном с ограниченной мощностью существующих компьютеров, а также с нехваткой квалифицированных специалистов и техническими сложностями сбора необходимой информации. Однако с течением времени от представления о том, что рынок можно заменить всеобъемлющей системой компьютерного планирования, основанной на планометрических моделях, отказались даже сами разработчики этих моделей. Кроме того, неудачные попытки введения планометрических технологий в странах Восточной Европы в 1970-е годы привели не только к отказу от новых практических экспериментов в этом направлении, но и к глубокому разочарованию среди тех, кто наивно возлагал надежды на эти технологии⁴¹. Несмотря на все вышесказанное, есть два суще-

⁴¹ Майкл Эллман пишет о разочаровании, связанном с применением планометрических моделей: «Работы по внедрению систем управленческой информации и контроля широко велась в советской экономике в 70-е годы, но к 80-м к их полезности уже относились скептически. Это произошло в основном потому, что их внедрение не оправдало возлагавшихся на них преувеличенных надежд и не принесло ожидаемых экономических результатов». См.: Michael Ellman, "Economic Calculation in Socialist Economies," in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics* (London: Macmillan, 1987), 2: 31. Те же утверждения можно найти в: Jan S. Prybyla, *Market and Plan Under Socialism* (Stanford: Hoover Institution Press, 1987), 55. В свою очередь, Мартин Кейв (Martin Cave) в книге *Computers and Economic Planning: The Soviet Experience* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980), указав на глубокое различие между двумя типами исследователей: теми, чьи усилия направлены на формулирование абстрактных планометрических моделей, и теми, кого интересуют реально существующие системы, делает вывод о том, что рост скепсиса по отношению к планометрическим моделям как возможной замены рынку связан с тем, «что они не справляются с запутанной системой централизованной плановой экономики и не предназначены для этого» (р. 38). Кажется, даже Гурвиц признал, что планометрика полезна исключительно в качестве чистого интеллектуального упражнения, что применительно к решению проблемы экономического рас-

ственных фактора, благодаря которым отдельное рассмотрение планометрики все равно имеет смысл, и именно после того, как мы показали теоретическую неосуществимость метода «проб и ошибок».

Во-первых, различные авторы, пишущие на эту тему, продолжают наивно утверждать, что хотя до сих пор и не было ничего, кроме поражений и разочарований, в будущем, возможно, дальнейшее усовершенствование теории в сочетании с прогнозируемым увеличением мощности компьютеров позволит обеспечить то, что до сих пор оказывалось невозможным. Ричард Масгрейв, оценивая итоги спора об экономическом расчете, приходит к выводу, что возможно внедрить эффективную систему планирования, если позволить плановым органам имитировать конкурентный рынок, используя соответствующие компьютерные технологии. В свою очередь Эрроу утверждает, что благодаря развитию математического программирования и быстрым компьютерам система централизованного планирования больше не является чем-то невозможным, потому что появилась возможность имитировать работу децентрализованной системы, просто выбрав соответствующий централизованный алгоритм⁴². Согласно это-

---

чета соответствовало бы исходному теоретическому шагу (этапу «формулировки проблемы»). На следующем этапе следовало бы ввести рыночные силы и приспособить план к реальности рынка, а не приспособлять рынок к параметрам планометрической модели. См.: Leonid Hurwicz, "Centralization and Decentralization in Economic Processes," in *Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches*, ed. Alexander Extain (Berkeley: University of California Press, 1971), 81.

⁴² Ошибка этих двух исследователей основана на непонимании ими основ функционирования рыночных процессов, которые мы объяснили в главе 2. Эрроу пишет даже такое: «Действительно, с развитием математического программирования и появлением быстродействующих компьютеров централизованный вариант перестал казаться нелепым. В конце концов, скорее всего будет возможно имитировать работу децентрализованной системы, правильно выбрав централизованный алгоритм» (Kenneth J. Arrow, "Limited Knowledge and Economic Analysis," *American Economic Review* 64 [March 1974]: 5). Даже самые блестящие умы, такие как Эрроу, практически неизбежно теряют способность воспринимать фундаментальные экономические проблемы, когда они одержимы математическим анализом равновесия. Действи-

тельно, ту же самую ошибку делает Масгрейв в статье: Richard A. Musgrave, "National Economic Planning: The U. S. Case", *American Economic Review*, no. 67 (February 1977): 50—54. Ошибку, похожую на ошибки Эрроу и Масгрейва, совершает Вильчинский; правда, с учетом его приверженности социалистической идеологии ее легче понять. Вильчинский утверждает: «Реальная возможность вычисления оптимальных цен окончательно лишает всякого основания заявления о том, при социализме не может существовать рационального ценообразования. Хотя в практическом отношении многое еще нужно сделать, солидное теоретическое основание уже имеется. На самом деле в некоторых аспектах социализм предоставляет возможность улучшить ситуацию по сравнению с капитализмом» (Wilczinski, *The Economics of Socialism*, 138). Французский экономист Морис Алле — еще один исследователь, который на основании общей теории равновесия пришел к выводу, что из модели Вальраса легко выводятся главные принципы организации централизованной плановой экономики. Алле, сочетающий спутанность мышления, которая является естественным результатом использования математических методов в экономической теории, с некоторыми чрезвычайно своеобразными идеями, договорился до того, что в равновесной экономике с совершенной конкуренцией исчезает процент на капитал. (Эта идея абсолютно нелепа, так как даже при указанных условиях будут иметь значение амортизация основного капитала, а также субъективные временные предпочтения.) Алле предлагает национализировать землю и выражать «цены» в счетных единицах, основанных на единице «профессионального» рабочего времени. См.: Maurice Allais, "Le problème de la planification dans une économie collectiviste," *Kyklos* (July—October 1947), vol. 1: 254—280, vol. 2: 48—71. По поводу этих абсурдных предположений Мориса Алле Карл Прибрам в своей монументальной работе (Karl Pribram, *A History of Economic Reasoning* [Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983, 459]) пишет: «Один из странных эпизодов в истории экономической мысли был связан с тем, что радикальные мыслители, стремившиеся разрушить существующий экономический порядок, в то же время верили — или притворялись, что верят — что, вопреки всему имеющемуся историческому опыту, "плановую" экономику можно организовать, опираясь на модель вальрасовского типа, основанную на полном доверии к автоматическому функционированию уравновешивающих друг друга сил». Наконец, о том же пишут два известных восточноевропейских экономиста, Владзимеж Брус и Казимир Ласки, в недавно опубликованной книге, в которой они, о чем мы будем говорить подробнее несколько позже, недвусмысленно показывают, что в споре об экономическом расчете при социа-

му мнению, которое высказывали также и другие исследователи, развитие линейного программирования и компьютерных технологий могло бы обеспечить решение сформулированной Мизесом и Хайеком проблемы экономического расчета при социализме.

Во-вторых, другие теоретики планометрики во главе с Гурвицем утверждают, что они не просто опровергли довод Хайека о сложности вычислений (как мы знаем, для Хайека он имел лишь второстепенное значение), но и якобы включили в свои планометрические модели фундаментальный аргумент, отражающий рассеянный характер информации⁴³. Так, Гурвиц

лизме Мизес с Хайеком были правы, а Оскару Ланге и остальным их оппонентам не удалось убедительно возразить им. Брус и Ласки возлагают вину на неоклассическую модель и, в частности, на модель Вальраса, за то, что они игнорируют главную фигуру в капиталистической системе — предпринимателя. Они также критикуют модель совершенной конкуренции за то, что она не допускает между предпринимателями борьбы и соперничества, которые существуют в реальности и приводят к непрерывному созданию новой информации. Они пишут: «Модель Вальраса не обращает внимания на поистине центральную фигуру в капиталистической системе, а именно на *предпринимателя* в узком смысле слова. Формально в модели Вальраса есть предприниматели, но они ведут себя как *роботы*, минимизируя издержки или максимизируя прибыль *при существующих данных*. Они ведут себя исключительно как оптимизаторы, действующие в рамках чисто пассивной конкуренции, которая сводится к *пассивному* приспособлению своих позиций к экзогенным изменениям. Такая картина вряд ли может считаться адекватным обобщением феномена конкуренции, которая в *действительности* представляет собой непрерывную борьбу, оказывающую влияние на сами данные. Именно здесь особенно ярко выражается статичность подхода теории общего равновесия, который противоречит *динамическому* характеру реальной капиталистической системы». (Włodzimierz Brus and Kazimierz Lasky, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System* [Oxford: Clarendon Press, 1989], 57). См. также мою статью на ту же тему: “La Crisis del Paradigma Walrasiano,” *El País*, 17 December 1990, p. 36.

⁴³ См.: Leonid Hurwicz, “The Design of Mechanisms for Resource Allocation,” 5. Гурвиц похвалялся тем, что учел в своих моделях открытия Хайека и Мизеса, например: «Идеи Хайека (лекции которого я слушал в Лондонской школе экономике в 1938/39 учебном году) оказали на меня огромное влияние, и я это с удо-

исходит из предположения, что каждый экономический субъект изначально обладает только той информацией, которая доступна исключительно ему (потребители — информацией о собственных предпочтениях, производители — о доступных им технологиях и т.п.). Соответственно, в его планометрических моделях производственные функции никогда не бывают известны центральному бюро планирования — только экономиче-

---

вольствием признаю. Но на мои идеи оказали влияние также Оскар Ланге (Чикагский университет, 1940—1942) и Людвиг фон Мизес (я был участником его женевского семинара в 1938—1939)». (Leonid Hurwicz, “Economic Planning and the Knowledge Problem: A Comment,” *The Cato Journal* 4, no. 2 [Fall 1984]: 419). Из приведенной цитаты становится совершенно ясно, что, как чрезвычайно убедительно показал Дон Лавой, несмотря на то, что Гурвиц, по его собственному утверждению, посещал лекции и семинары Хайека и Мизеса, он ничего не понял в их идеях. В работах Гурвица не просто совершенно игнорируется теория предпринимательства — он также постоянно исходит из предположения, что информация *объективна* и, несмотря на то, что она носит рассеянный характер, ее можно передать любому человеку без потери смысла. Таким образом, он не замечает ключевой особенности предпринимательской информации, которая находится в центре рыночных процессов; короче говоря, он не учитывает ее субъективной и невербализуемой природы. См. интересную работу: Don Lavoie, *The Market as a Procedure for Discovery and Conveyance of Inarticulate Knowledge*, working paper, Department of Economics, George Mason University, November 1982. Кроме того, как Гурвиц ясно формулирует в своем ответе Кирцнеру, опубликованном в *Cato Journal* (который мы процитировали выше), он рассматривает проблему рассеянного характера знания исключительно в аспекте передачи имеющейся информации и даже не затрагивает проблему, возникающую в связи с *созданием новой информации* — а это важнейшая проблема для рыночного процесса, являющаяся центральным элементом всей теории предпринимательства Кирцнера. Те же ошибки, что и Гурвиц, совершает высокочтимый Фрэнк Хан, который еще в 1988 г. осмеливался уверенно заявлять, что раньше или позже разработанный Ланге и Лернером «рыночный социализм» продемонстрирует свое превосходство над рыночной экономикой капиталистической системы. См.: Frank Hahn, “On Market Economics” in Robert Skidelsky, ed., *Thatcherism* (Chatto & Windus, 1988), esp. p. 114. Прекрасную подробную критику позиции Фрэнка Хана можно найти в: Arthur Seldon, *Capitalism* (Oxford: Basil Blackwell, 1990), chap. 6, 124—144.

ским субъектам по отдельности. Более того, в некоторых моделях предполагается, что даже производителям известны не все их производственные функции, а только те, в отношении которых у них имеется определенный опыт. С учетом природы цен как эффективного способа передачи информации, единственное знание, которое, согласно этим моделям, должно передаваться от центрального бюро планирования к экономическим субъектам — это список «цен» на *все* блага и услуги в экономике, который центральное бюро планирования должно публиковать в ответ на другой список, включающий количество каждого блага или услуги, произведенного каждым из экономических субъектов. По мнению теоретиков планометрики, передача этого огромного объема информации (о ценах) от центрального планового органа к экономическим субъектам и от экономических субъектов к центральному плановому органу (о количестве произведенного) не составит особого труда, особенно с учетом современного прогресса в сфере дистанционной передачи данных. Наконец, различные итеративные компьютерные процедуры позволят модифицировать цены по мере возникновения дефицита или избытка, и в итоге благодаря им появится система уравнений равновесия, представляющая собой решение поставленной экономической проблемы. Таким образом, между центральными властями, которые будут устанавливать предварительные цены, и экономическими субъектами, которые будут получать распоряжение произвести как можно больше с учетом сохранения цены на уровне предельных издержек (то есть в условиях, когда предельные доходы равны предельным издержкам), будет происходить «компьютерный диалог». Экономические субъекты будут сообщать, сколько они способны произвести, центральным властям, которые будут пересматривать цены, менять их и вновь передавать информацию об этом экономическим агентам и так до тех пор, пока случаи дефицита или излишка не исчезнут.

Планометрическое предложение, которое мы только что пересказали, с точки зрения фундаментального содержания не слишком сильно отличается от предложений Оскара Ланге 1930-х годов, которые подробно рассматриваются в следующей главе. Несмотря на «хитроумие» изложенной выше планометрической стратегии, сейчас мы продемонстрируем, что на самом деле планометрические модели совершенно не учитывают того, что Хайек говорил о проблеме рассеянно-

го характера знания и потому они совершенно неспособны решить проблему экономического расчета при социализме. Кроме того, мы сделаем небольшое отступление по поводу возможной роли в этой сфере компьютеров и компьютерных технологий, чтобы найти подтверждение тому, что мы доказали в главе 2: что прогресс компьютерных технологий не просто не решает проблему экономического расчета при социализме, а делает ее еще более сложной и запутанной.

Несмотря на то, что наша критика (в предыдущем разделе) математического метода «проб и ошибок» относится ко всей современной планометрической теории, необходимо отдельно затронуть два конкретных аспекта, которые мы только что выделили. Многие специалисты по планометрике считают, что в теоретическом отношении проблема была решена, рассеянный характер информации был учтен и теперь остается только ждать того момента, когда мощность компьютеров позволит воплотить эти модели в жизнь. Мы увидим, что на самом деле планометрические модели не учитывают некоторых ключевых особенностей реального мира, уже описанных экономистами австрийской школы, в то время как эти особенности делают функционирование этих моделей теоретически невозможным вне всякой зависимости от будущего роста мощности и быстродействия компьютеров, а также будущих достижений программистов.

Во-первых, планометрические модели как таковые и теория Гурвица, в частности, учитывают принцип рассеянной природы информации в *искаженном и фальсифицированном* виде. Это происходит потому, что тот факт, что информация рассеяна в умах всех экономических субъектов, принципиально неотделим от субъективного и строго личного характера информации, как мы видели в главе 2 этой книги. Если информация носит не просто рассеянный, но еще и личный и субъективный характер, она будет означать разные вещи для каждого из экономических агентов, и потому ее будет невозможно передать плановому органу, сохранив при этом ее смысл. Иными словами, одна и та же цена, один и тот же материальный объект внешнего мира, одно и то же количество чего-либо и один и тот же опыт будет означать разное для разных людей и по-разному интерпретироваться ими. То же самое можно сказать о разных потенциальных вариантах, рассматривающихся, когда речь идет о реализации конкретного про-

екта, достижении конкретной цели или производстве конкретного блага или услуги. Дефицит или избыток какого-либо продукта также может означать разные вещи в зависимости от того, кто является наблюдателем, и, с учетом конкретных обстоятельств, это может порождать совершенно разное поведение (попытку сократить спрос, создание замещающих благ, поиск новых возможностей, какие-то сочетания этих вариантов и т.п.). Итак, субъективный характер информации лишает смысла модель Гурвица, основанную на непрерывном диалоге или на непрерывной передаче информации, которая ошибочно считается объективной и где обмен происходит между субъектами (владельцами гипотетически рассеянного, но объективного знания) и центральным бюро планирования.

Во-вторых, с этим тесно связано то, что необходимое для человеческой деятельности знание в основном бывает *неявным* и неартикулируемым, о чем мы тоже уже говорили в главе 2. Если большую часть знания, которое человек использует, когда он действует, нельзя выразить словами, то вряд ли его возможно передать кому-либо объективным образом. Дело не просто в том, что экономические агенты очень по-разному понимают одни и те же цены или исторические условия торговли; дело в том, что эти цены сообщают некую информацию конкретным действующим субъектам потому, что у них в большей или меньшей степени есть общий запас практического, неартикулируемого знания об особенностях благ и услуг, обмен которыми породил эти цены, а также о множестве других обстоятельств, по мнению этих действующих лиц, субъективно значимых в контексте действий, в которых они участвуют. Например, вербализованная или формализованная часть информации, которую интерпретирует человек, когда узнает, что фунт картошки продается за 30 денежных единиц (вербально это выражается как «цена фунта картошки 30 д.е.»), составляет очень малую часть всего объема информации, которой владеет человек в контексте этого конкретного действия, информации, которую он знает, порождает и использует (в том числе информации о его желании купить картошку, о том, какого качества она бывает, о том, картошку какого качества обычно предлагает его поставщик, о том, что он очень хочет приготовить что-то с картошкой, о блюде, которое он планирует для праздничного ужина, о других блю-

дах, которые он подаст вместе с картошкой и о тысяче других подробностей)⁴⁴.

В-третьих, если посмотреть с более динамической точки зрения, то цена или набор цен сообщают нечто действующему субъекту только потому, что он погружен в какой-то проект или в какую-то деятельность, то есть принял решение достичь конкретных целей или идеалов, которые может представить себе во всей их полноте и сложности (и, соответственно, стремиться к ним) только он один. Человек верит в конкретный проект, представляет себе его и с энтузиазмом осуществляет его на основании субъективных ожиданий и чувств, которые практически не поддаются выражению и поэтому их нельзя передать никакому центру планирования. Предприниматель, который верит в свою идею и осуществляет ее, несмотря на все трудности, часто — в очень тяжелых условиях и вопреки мнению большинства, в конце концов может достичь своей цели и получить соответствующую прибыль. Цель, к которой он стремится, прибыль, на которую он рассчитывает, или истина, которую он ищет, не являются чем-то данным, чем-то, что можно ясно и определенно увидеть — это скорее что-то, о чем он догадывается, что он воображает себе или создает. Именно это *творческое напряжение* позволяет находить и создавать информацию, которая поддерживает существование общества и способствует его развитию. Творческое напряжение возникает из разнообразия, представленного на рынке,

---

⁴⁴ «Вербализованная информация, которую предоставляют цены, информативна исключительно потому, что цены существуют на фоне колоссального объема невербализованного знания, источником которого служит обширный опыт обычной производимой деятельности. Цена — это не просто число. Она указывает на относительную редкость данного конкретного блага или услуги, *прочие свойства и качества которых мы осознаем во вторую очередь*. Но стоит этим качествам измениться хотя бы чуть-чуть — и это может оказать существенное влияние на решения по поводу использования этого блага, а также на его цену. ...Хайек не считал, что цены (как числа) — это единственная информация, которую передает рынок. *Напротив, цены сами по себе могут передать какое-то знание только потому, что за ними стоит невербализованная информация, относящаяся к тем благам и услугам, о ценах на которые идет речь*» (Don Lavoie, *The Market as a Procedure for Discovery and Conveyance of Inarticulate Knowledge*, 32–33).

или, точнее, из разных мнений и интерпретаций одних и тех же фактов, событий и обстоятельств, которые, тем не менее, разные экономические субъекты толкуют по-разному. Теоретики планометрики пренебрегают этим творческим напряжением или явным образом исключают его из своих моделей, предназначенных для достижения априорной координации всей экономической системы и поэтому абсолютно не допускающих творческой реакции людей на стимулы, которые предоставляют рассогласованность⁴⁵. Неизбежный вывод из этого состо-

⁴⁵ В статье, о которой мы уже упоминали выше, Дон Лавой, вслед за Поланьи, проводит достойную внимания аналогию между ролью, которое невербализованное знание играет в области научных исследований и в сфере рынка. Он пишет: «Участники рынка не являются “пассивными ценополучателями” [price takers] и не могли бы ими быть, точно так же, как ученые не могли бы быть «получателями теорий» [theory takers]. И в том, и в другом случае предприниматель и ученый, несомненно, черпают поддержку в неоспоримых ценах и теориях, но главное в их деятельности то, что они *не соглашаются* с некоторыми рыночными ценами и научными теориями. Предприниматели (или ученые) активно не соглашаются с существующими ценами (или теориями) и стремятся реализовать собственные проекты (идеи), повышая или снижая цены (критикуя существующие теории). Исключительно благодаря сложноустроенному давлению, которое оказывает конкурентная борьба (или критика), делаются новые, жизнеспособные и продуктивные (или приемлемые с точки зрения науки) открытия и отбрасываются нежизнеспособные (неприемлемые с точки зрения науки). ...Без “давления”, которое такая личная заинтересованность оказывает на науку и рынок, обе сферы потеряли бы свою “определяющую рациональность”. Именно то, что репутация ученого — и богатство капиталиста — стоят *на кону*, побуждает их делать выбор в пользу какого-либо научного (производственного) направления или против него. Итак, частная собственность и личная свобода ученого играют аналогичную роль. Когда эти формы личной заинтересованности разрушаются, например, когда научная репутация и экономическое благополучие зависят от верности линии партии, а не от личного стремления к истине или от реализации того, что субъективно осознается как возможность извлечения прибыли, происходит подрыв двух этих великих достижений человечества, науки и развитой экономики» (Don Lavoie, *The Market as a Procedure for Discovery and Conveyance of Inarticulate Knowledge*, 34–35). Поланьи проводит ту же самую аналогию между рынком и научным прогрессом в статье: “The Republic of Science: Its Political and Economic Theory”

ит в том, что диалог, а также обмен рассеянной информацией между экономическими субъектами и центральным плановым органом в таком виде, как предлагает Гурвиц, теоретически невозможны. Это связано с двумя факторами: во-первых, в значительной степени у экономических субъектов нет того знания, которое должно передаваться⁴⁶, поскольку такое знание возникает только в ходе процесса свободного предпринимательства; во-вторых, они не могли бы передать знание, которым они владеют, поскольку оно носит по большей части неявный, невербализованный характер. Знания предпринимателя не выражаются в словах, это в большей степени «приемы мышления», которые могут применяться исключительно тогда, когда человек находится в контексте, типичном для рыночной экономики — и человек может научиться

---

in *Knowing and Being*, ed. Marjorie Grene (Chicago: The University of Chicago Press, 1969).

⁴⁶ Fritz Machlup, *Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance*, vol. 3, *The Economics of Information and Human Capital*, chap. 6, “New Knowledge, Disperse Information and Central Planning”. См. особенно с. 200, где Махлуп упоминает о том, что «знание о предпочтениях людей не просто рассеяно по миллионам умов и не просто постоянно меняется, но, кроме того, в нем слишком много пробелов, чтобы его можно было передавать в количественном виде или в виде цен. Описанная система планирования не может дать людям то, чего они хотят, потому что они сами не могут знать, чего хотят, если не знают, что они могут иметь. Постоянный поток инноваций в системе, основанной на свободном предпринимательстве, непрерывно меняет “производственные возможности”, в том числе связанные с новыми продуктами и с новыми качествами существующих продуктов. Надежные живым воображением предприниматели в предвкушении прибылей (временных) предлагают потребителям возможности, которые не существовали до того и которые, как ожидается, должны вызвать реакцию, отличную от тех, чьим символом является обычная модель рыночного равновесия или модели равновесия распределения ресурсов. Доступность новых продуктов резко отличает рыночную систему от схемы, когда центральный совет официально объявляет индикаторы уровня производства или цен, получая в ответ от общественности конкретные предложения по ценам или объемам производства. *Организованная система возвратно-поступательной обратной связи, позволяющая плановому органу принимать информированные решения, не оставляет места для феномена инновации*».

этим приемам только интуитивно, используя их на практике. То, что умы масштаба Эрроу и Гурвица не смогли понять главные особенности того типа знания, которое используют и создают экономические субъекты, и то, что эти умы не имеют понятия о наиболее фундаментальных принципах функционирования рынка, оправдывает резкость замечания, сделанного Хайеком в 1982 г. У него просто не было иного выбора, кроме как назвать обоих этих исследователей «безответственными», особенно за веру в то, что практическое, субъективное и невербализованное знание может передаваться посредством «диалога» между экономическими субъектами и центральным бюро планирования; по мнению Хайека, эта «бредовая» идея «достойно венчает весь фарс», который представляет собой планометрика⁴⁷.

В-четвертых, нам следует иметь в виду, что планометрические модели корректировки цен требуют, чтобы, после того, как информация передана центральному плановому органу, на то время, пока этот орган решает проблему оптимизации и рассылает экономическим агентам новую информацию о равновесных ценах, вся торговая и производственная деятельность прекращалась. Некоторые экономисты, например, Бенджамен Уорд, даже делают из этого нелепый вывод, что

---

⁴⁷ «Вероятно, именно влияние доктрины Шумпетера — в большей степени, чем прямое влияние Оскара Ланге — привело к возникновению обширной литературы по математическим исследованиям «процессов размещения ресурсов» (недавно в этой области вышел обобщающий труд: K. J. Arrow and L. Hurwicz, *Studies in Resource Allocation Processes*, Cambridge University Press, 1977). Насколько я понимаю, они обращаются с выдуманными «данными», никак не связанными с теми, которые реально доступны действующему индивиду, не менее безответственно, чем Ланге» (Hayek, “Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation,” in *Economic Affairs* (April 1982), переиздано в: *The Essence of Hayek*, ed. Chiaki Nishiyama and Kurtz R. Leube (Stanford, California: Hoover Institution Press, Stanford University, 1984), 60. На с. 61 этой работы Хайек добавляет, что «*весь этот фарс достойно венчает бредовая рекомендация плановому органу: дать менеджерам конкретных заводов возможность, используя собственные специальные знания, установить на конкретные группы благ единые цены, которые будут действовать до тех пор, пока плановый орган не выяснит, растут ли при этих ценах запасы или уменьшаются*».

такая система гораздо эффективнее, чем реально существующая рыночная экономика, где постоянно происходят обмены по ценам, которые не совпадают с равновесными ценами и поэтому, с его точки зрения, являются «неправильными». То, что *реальные* цены рынка считаются «неправильными» из-за того, что они отличаются от каких-то никому не известных гипотетических «цен», которые существуют исключительно в затуманенном сознании теоретиков равновесия, мягко говоря, поразительно. Нелепо считать неправильным то, что существует и является результатом свободной человеческой деятельности, и ощущение нелепости усугубляется тем, что истинные равновесные «цены» невозможно установить в принципе. Кроме того, огромным преимуществом рыночного процесса по сравнению с планометрической моделью корректировки является как раз практическая возможность совершать якобы «неправильные» обмены. В планометрической модели все действия и обмены приостанавливаются на то время, пока информацию передают плановому органу и он решает соответствующую систему уравнений, а значит, все это время миллионы экономических агентов не могут находить и создавать новую информацию и миллионы действий остаются несовершенными, что наносит ущерб происходящим в обществе процессам корректировки, координации и развития. В отличие от этого, в ходе реального рыночного процесса, мотором которого является предпринимательство, несмотря на то, что равновесие никогда не достигается (таким образом, в этом смысле все акты обмена, происходящие в реальности, «неправильны»), постоянно порождается новая информация и все случаи рассогласованности или диспропорций обычно выявляются с помощью предпринимательской бдительности, а потом исправляются и корректируются. Главное преимущество реальных рыночных процессов по сравнению с планометрическими моделями «аукционера Вальраса» в том, что реальные процессы, несмотря на постоянные обмены, из которых не один не совершается по ценам равновесия (соответственно, в этом смысле реальные цены являются «неправильными»), хорошо работают и на практике, и с точки зрения теории, так как любой случай рассогласования или диспропорции создает стимул, необходимый для того, чтобы эти диспропорции были обнаружены и устранены с помощью предпринимательства. Таким образом, огромный объем информации создает-

ся и постоянно передается обществу в целом. Напротив, планометрическим моделям, чтобы они работали, требуется не только приостанавливать на определенное время человеческую деятельность и создание новой информации, но и полностью устранить творческую силу предпринимательства, которая является ключом к социальной координации⁴⁸.

⁴⁸ Benjamin N. Ward, *The Socialist Economy: A Study of Organizational Alternatives* (New York: Random House, 1967), 32—33. В этой работе Уорд время от времени мимоходом делает замечания об упрощенном характере этих математических моделей (в основном в связи с их статичным, линейным характером); однако он предполагает, что заторов на пути информации от различных секторов экономики к плановому органу не возникнет, потому что «в каждой итерации будет участвовать не больше — а в общем случае значительно меньше — чем n^2 данных для каждой единицы, где n — количество секторов» (р. 61). Тем не менее он добавляет, что если для завершения каждой итерации понадобится слишком продолжительное время, то процесс может быть остановлен до ее завершения, и результатом этого будет план, хотя и не оптимальный, но такой, который на практике будет «лучше» предыдущего состояния. Как отметил Дон Лавой, трудно поверить, что Уорд не осознает, что, предлагая такой вариант, он отказывается от самого главного обоснования необходимости процесса нащупывания по Вальрасу. Если экономические субъекты должны прекращать свою активность на то время, пока специалисты по линейному программированию калькулируют равновесное решение, которое будет воплощаться в жизнь, и если полученное таким образом решение является к тому же приблизительным и промежуточным, то зачем вообще затевать планометрический процесс, когда децентрализованные рыночные механизмы и соответствующие им правовые системы предлагают более точный результат, не требуя приостановки активности, не мешая созданию новой информации и к тому же, без дополнительных издержек на оплату труда планометрических теоретиков? См.: Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 99. Очень похожую ошибку совершает Эдмон Маленво, когда, начав с исследования процесса определения оптимального уровня производства общественных благ, он концентрируется на анализе итеративных процессов приближения к оптимальному равновесному решению для социалистической системы. См.: Edmond Malinvaud, “A Planning Approach to the Public Good Problem,” *The Swedish Journal of Economics* 73 (March 1971): 96—112; “Decentralized Procedures for Planning,” in *Activity Analysis in the Theory of Growth and Planning*, ed. E. Malinvaud and M. Bacharach (London: Macmillan, 1967). Чес-

В-пятых, основная фундаментальная слабость всех планометрических моделей связана с тем, что они минимизируют и тривиализируют проблему постоянных рыночных изменений, которые происходят в современной, сложноорганизованной экономике. В реальности современное общество не может позволить себе роскоши ждать, пока не будет найдено «решение» задачи программирования, которое должно повлиять на жизнь и деятельность всех его членов. Кроме того, такое решение невозможно теоретически, поскольку, с учетом невозможности передать и породить необходимую информацию, проблему нельзя даже начать рассматривать без диктаторского вмешательства и насилия по отношению к реальности. В качестве наглядного примера Майкл Элман ссылается на то, что потребовалось 6 лет, чтобы по заказу планового управления министерства черной металлургии СССР собрать информацию, необходимую для формулировки задачи по линейному программированию, и что для этого использовалось более 1 000 000 неизвестных и 30 000 ограничений⁴⁹. Как и подсказывает логика, «решение» этой задачи было чисто воображаемым, поскольку за 6 лет значимая информация резко поменялась (или должна была поменяться). Таким образом, к тому времени, как задача была решена, она полностью поменялась и найденное «решение» совершенно устарело. Поскольку у специалистов по планометрике нет нужной им информации, они будут вынуждены искать несуществующее равновесное решение наобум — искать и не находить, сталкиваясь с процессом непрерывных изменений. Поэтому вслед за Питером Бернгольцем, можно сделать вывод, что при использовании планометрической системы централизованного планирования в реальных условиях меняющейся экономики рациональный экономический расчет невозможен⁵⁰.

тно говоря, очень трудно понять, почему все эти исследователи с такой настойчивостью стремятся заменить бесконечное разнообразие и богатство социальной жизни людей на совершенно ригидную, холодную и механистическую модель.

⁴⁹ Michael Ellman, "Economic Calculation in Socialist Economies" in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 2: 31.

⁵⁰ «С учетом разнообразных и меняющихся производственных функций размер фирм и структура отраслей становятся проблемой. Новые товары и меняющиеся предпочтения также ставят проблему, какие фирмы и отрасли следует развивать, лик-

В-шестых, планометрические теоретики демонстрируют не только глубокое непонимание функционирования реальных рыночных процессов; они незнакомы с основными элементами теории компьютерных систем. Вспомним, что «информация», которую можно хранить в компьютере, полностью отличается от той, которую экономические субъекты сознательно используют на рынке. Одна — объективная и формальная «информация», другая — субъективная, неявная, практическая информация. Чисто логически, информацию второго типа, жизненно необходимую для решения экономических проблем, нельзя ни хранить с помощью компьютера, ни подвергать компьютерной обработке. Кроме того, очевидно, что ту информацию, которая еще не порождена экономической системой, тоже нельзя ни хранить, ни обрабатывать с использованием компьютерных процедур. Иными словами, и невербализованная, практическая информация, и существенная часть вербализованной информации являются результатом социального рыночного процесса, и, пока этот процесс не породил эту информацию, ее нельзя передавать и хранить в компьютерных системах хранения данных. Также — и это, может быть, самое главное — если исходить из того, что даже наиболее мощные компьютеры данного поколения могут использоваться децентрализованно самими экономическими субъектами (различными действующими субъектами, предпринимателями, агентствами и институтами), то становится ясно, что на уровне децентрализованного, персонального использования эти мощные машины создадут среду, где будет можно генерировать практическое невербализованное знание, которое будет несравненно более разнообразным, сложным и глубоким, чем сегодня, и сложность организации этой информации будет такова, что ее будет невозможно централизованно обрабатывать, используя компьютеры. Иными словами, вероятно,

---

видировать или создавать... В этих условиях Центральное бюро планирования в силу характера и сложности ситуации не сможет получать необходимую информацию для надежного планирования *ex ante*. *При использовании централизованного планирования рациональный расчет прерывается*» (Peter Bernholz, “The Problem of Complexity under non Stationary Conditions” in “Information, Motivation and the Problem of Rational Economic Calculation in Socialism,” in *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues*, ed. Svetozar Pejovich, 154).

компьютерная система может работать и отвечать за системы контроля, которые проще, чем она сама, но она определенно не сможет отвечать за системы или процессы, которые сложнее ее самой (и предлагать им решения), за системы, в которых сложность каждого из элементов в качественном отношении соответствует уровню сложности системы центрального бюро планирования. Наконец, очевидно, что ни один компьютер не может и никогда не сможет заниматься типично человеческой, предпринимательской деятельностью. Имеется в виду, что компьютер никогда не будет способен осознать, что какая-то часть объективной информации была неправильно интерпретирована и что, следовательно, существуют неиспользованные возможности извлечения прибыли. Компьютер будет не в состоянии придумать новые проекты, которые еще никому не приходили в голову. Компьютер не сможет создавать новые цели и средства, упорно заниматься чем-то немодным, мужественно бороться за успех компании, в которую никто не верит и т.п. В лучшем случае компьютер может быть мощным и полезным инструментом для обработки формальной «информации» и может облегчить предпринимательскую активность людей, как мы описали ее в главе 2, но компьютеры никогда не уничтожат и не заменят эту предпринимательскую активность⁵¹. На самом деле, информатика не только не поможет заменить сложноорганизованные процессы стихийной координации, функционирующие в экономике, более того, наоборот, когда информатика ощутит потребность в развитии теории, на помощь ей придет экономическая теория рыночных процессов. Действительно, теоретическое развитие в области

---

⁵¹ Ассар Линдбек пишет: «Очевидно, что компьютеры не могут отнять у рынков задачу генерирования информации (о потребительских предпочтениях и эффективных технологиях), а также задачу *создания* стимулов, поощряющих успешную деятельность, соответствующую предпочтениям потребителей». Он делает вывод: «Вероятность того, что компьютеры заменят децентрализованную рыночную конкуренцию и станут обрабатывать информацию и рассчитывать приближенные величины оптимального размещения ресурсов, чрезвычайно мала» (Assar Lindbeck, *The Political Economy of the New Left* [New York: Harper & Row, 1971]. Цит. по испанскому изданию: *La Economía Política de la Nueva Izquierda* [Madrid: Alianza Editorial, 1971]). В свете доводов, приведенных в тексте, я бы сказал, что она равна нулю.

информационных технологий, связанное с системами искусственного интеллекта и утопической концепцией «искусственного разума», показало, что к существенному прогрессу в этих сферах привел только глубокий анализ механизмов создания и передачи информации⁵².

Наконец, мы не можем завершить наши замечания по поводу планометрики, не подчеркнув еще раз, что использование в экономической науке математических методов может привести к большой путанице и существенному вреду, если не обращаться с ними крайне осторожно. Говоря конкретнее, математический метод подходит только для описания систем равновесия или, в лучшем случае, для описания грубых, монотонных и механических карикатур на реальные процессы изменений и творческого предпринимательства, происходящие на рынке. Кроме того, математический метод не позволяет формально выразить сущность предпринимательства, которое является основным ключевым элементом всей экономической и социальной жизни. Экономист, использующий математические элементы, постоянно подвергает себя риску поверив в то, что цены и издержки определяются пересекающимися кривыми и функциями, а не последовательностью конкретных человеческих действий и взаимодействий. В конце концов, он может поверить, что функции, с которыми он работает — реальны и познаваемы. У него может возникнуть представление, что информация, которую он рассматривает как данность исключительно в контексте моделирования, действительно существует в объективной форме где-то на рын-

---

⁵² См. в особенности: Don Lavoie, Howard Baetjer, and William Tulloh, “High-Tech Hayekians: Some Possible Research Topics in the Economics of Computation,” *Market Process* (George Mason University) 8 (spring 1990): 120—146, а также библиографию к этой статье. Мы не станем заниматься перечислением и рассмотрением пороков планометрической модели с точки зрения методологии, используемой самой экономической теорией равновесия, а также экономикой благосостояния. Критические возражения такого рода не имеют никакого значения по сравнению с фундаментальными аргументами, изложенными выше; кроме того, их можно найти в любом учебнике, посвященном этой теме, например: John Bennet, *The Economic Theory of Central Planning*, chap. 2. См. также статью: D. F. Bergum, “Economic Planning and the Science of Economics,” *American Economic Review* (June 1941).

ке и, соответственно, ее можно собрать. В свете того влияния, которое математический метод обычно оказывал на различные сферы экономической теории, особенно в случае рассмотренных нами предложений, касавшихся экономического расчета при социализме, начинаешь задумываться над тем, чего этот метод принес больше нашей науке: вреда или пользы⁵³. Аргументация Мизеса и Хайека в защиту рыночной экономики и против социализма коренным образом отличается от тех рассуждений, которые экономисты «благосостояния» — приверженцы математических методов используют для оправдания «частного предпринимательства»; основой рассуждений последних служит «совершенная конкуренция» как выражение идеала эффективности по Парето. Наш основной аргумент состоит не в том, что конкуренция создает «оптимальное» сочетание ресурсов, а в том, что это динамический процесс, развивающийся благодаря энергии реальных людей, процесс, обеспечивающий в обществе корректировку и координацию. Главный аргумент — не в том, что система «совершенной конкуренции» лучше, чем монополярная система, а в том, что рынки и человеческая деятельность, не стесненная принуждением, обеспечивают координацию. Поэтому наша позиция действительно радикально *отличается* от стандарт-

---

⁵³ Как пишет Мизес: «Экономист математического направления, ослепленный предубеждением, что экономическая наука должна строиться по образцу ньютоновской механики и быть доступной для изучения с помощью математических методов, абсолютно неверно истолковывает предмет своих исследований. *Теперь он имеет дело не с человеческой деятельностью, а с бездушным механизмом, приводящимся в действие непостижимыми силами, не доступными для дальнейшего анализа.* В идеальной конструкции равномерно функционирующей экономики, разумеется, нет места для предпринимательской функции. *Таким образом, экономист-математик не включает предпринимателя в свое учение.* Он не испытывает необходимости в этом инциденте и возмутителе спокойствия, никогда не прекращающееся вмешательство которого мешает идеальной системе достигнуть состояния совершенного равновесия и статических условий. *Он ненавидит предпринимателя как возмущающий элемент. Цены факторов производства в представлении экономиста-математика определяются пересечением двух кривых, а не человеческой деятельностью»* (Mises, *Human Action*, 702 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 657] [Курсив мой. — У. de С.]).

ного подхода учебников по микроэкономике, который мы по всем изложенным выше причинам считаем несущественным и ошибочным, вне зависимости от того, считать ли его позитивным анализом реальной экономики или нормативным анализом того, как она должна функционировать. Самым ярким признаком того, что «теория благосостояния» ошибочна, является то, что, как это ни странно, она породила представление, что с помощью ее моделей и методов механизм размещения ресурсов может быть построен в плановой экономике, где нет рынка. Экономическое равновесие и теория благосостояния, которые вначале представляли собой дескриптивную, позитивную теорию функционирования рынка, пришли к тому, что стали, посредством своих математических методов и моделей, инструментом продвижения системы экономического расчета, уничтожающей рыночный процесс и его главную особенность: предпринимательство⁵⁴.

---

⁵⁴ Вероятно, первым теоретиком равновесия, признавшим радикально иной характер доводов Мизеса и Хаека в пользу рынка, был Ричард Нельсон; см.: Richard R. Nelson, "Assessing Private Enterprise: An Exegesis of Tangled Doctrine," *Bell Journal of Economics* 1, no. 12 (spring 1981). Мы согласны с Нельсоном в том, что «ортодоксальная» теория благосостояния бесполезна, но не разделяем его мнения, что теории Хайека, в частности, и австрийской школы вообще, хотя и важны, но находятся на очень ранней стадии развития. Это утверждение имеет смысл, только если считать «развитой» любую теорию с высоким уровнем формализации, даже если она неверна и бесполезна, а также если пренебречь важным вкладом австрийской школы во все сферы экономической науки. Как мы упоминали в сноске 2, даже Марк Блауг сумел полностью осознать фундаментальные различия между австрийской и неоклассической парадигмой, а также бесполезность последней.